
Николай Евреиннов
Чему нет имени

(Бедной девочке снилось)

Пьеса в трех действиях и восьми картинах с эпилогом

Действующие лица

Лутохин Семен Иванович, переплетчик.

Серафима Кондратьевна, его жена.

Нюра } их дочери.

Шура }

Смолько Кондратий Петрович,

их дед, боцман “запаса”.

Доктор Дробницкий Борис Борисович,

военный врач.

Миша, его сын, военный летчик.

Пончик Ксения Львовна, из “курсисток”.

Воскресенский Александр Емельяныч, студент.

Потапов, фельдшер.

Леонтий, сподручный Лутохина.

Дарья, кухарка.

И другие.

Действие начинается летом 1914 года, под Петербургом (в Гатчине).

Действие I

Картина 1

На даче у Лутохиных, в Гатчине. Жаркое июльское утро 1914 г.

Сцена представляет собою просторную комнату с двумя окнами посредине, выходящими в сад, за деревьями которого чуть виднеется напесадник и улица.

У комнаты этой, — с бедным убранством “гостиной”, служащей вместе с тем и “столовой”, — несколько неправильная конфигурация, благодаря тому, что стена справа, в противоположность стене слева, поворачивает (параллельно рампе и совсем близко от нее) направо, образуя небольшой выступ.

На означенном выступе, прямо на виду у публики, висит изрядных размеров календарь, на котором бросаются в глаза начертания “1914”, “июль” и огромная красная цифра “24”, под которою, в скобках, черная цифра “11”.

В комнате три двери: одна направо, у самой рампы, ведущая в переднюю, и две налево: ближняя к рампе, ведущая в переплетную мастерскую, — откуда временами слышится легкий шум, характерный для массовой переплетной работы, — и дальняя, ведущая в спальню, на кухню и др.

Среди мебели, прежде всего, бросается в глаза большой раздвижной обеденный стол, стоящий близко к окнам и окруженный полудюжиной стульев, затем — мягкая комфортабельная тахта, занимающая дальний угол направо, и небольшой буфет, направо же, недалеко от двери. В простенке налево несколько полок с книгами.

При поднятии занавеса, за столом сидят Нюра и Шура и прилежно записывают в ученические тетради то, что им, не торопясь, “вещает” студент Воскресенский, расхаживающий по комнате с видом лектора и изредка останавливающийся у стола, чтобы заглянуть в книжку или в одну из брошюр, разложенных на столе. Это великовозрастный усатый малый, родственного типу “вечного студента”, с “нигилистической” шевелюрой, в черной косоворотке, под засаленной серой тужуркой, в пенсне на шнурочке, немного прыщавый, с чуть-чуть лоснящимся лицом, но в общем недурной собой и — несмотря на свою внешнюю неприязненность и смешное “вызывающее” поведение, — добрый русский парень.

Нюра на редкость миловидная, грациозная барышня лет 18, с подкупающе умным и сердечным выраженьем лица, с задумчивым голосом и обаятельными манерами.

Шура — младше Нюры и намного уступает Нюре в миловидности; это скорее подросток, чем сложившаяся девушка, и притом очень слабой комплекции, жалкого вида и с несколько неуклюжими манерами; временами — особенно рядом с сестрою — Шура способна внушить впечатление полуидиотки или экзальтированной дурочки.

Студент Воскресенский (начавший говорить еще до поднятия занавеса, приостанавливает свое мерное хождение и заглядывает в одну из брошюр на столе). ...Таким образом, еще в “Декларации прав человека”, то есть еще в конце восемнадцатого века, борцы за свободу настаивали, что “никто не может быть обвинен, арестован или задержан иначе, как в случаях, определенных законом и со-

гласно установленному порядку”. “Свободный обмен мыслями и мнениями составляет одно из самых драгоценных прав человека; всякий гражданин, следовательно, может свободно говорить, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребления этой свободой в случаях, определенных законом”... (Снимает пенсне, дышит на его стекла и протирает их платком.) Теперь эти блага, возведенные в “Де-

кларации прав человека” и отчасти уже завоеванные человечеством, называются свободой слова, печати, свободой совести, сознов и свободой собраний.

Шура (*дописывает фразу, слегка высунув кончик языка*). А что значит “свобода совести”?

Студент (*слегка нервничая*). Прямо беда с вами, Шура! Самых обыкновенных вещей не понимаете! Я же объяснил вам на прошлом уроке...

Нюра (*заступаясь горячо*). Нет, нет! Шура вовсе не так непонятлива! А только и вправду “свобода совести” неудачное выражение!

Студент (*опешив*). Неудачное?!

Нюра. Конечно! Лучше бы сказать “свобода религиозных убеждений”! Вот тогда всем было бы понятно. А “свобода совести”...

Студент (*вызывающе скрестив руки на груди*). Ну, разумеется! Российская социал-демократическая партия разбирается хуже вас в терминологии! Надо было у вас спросить! Верно?

Нюра (*спокойно*). Ну чего вы сердитесь?

Студент (*уязвленно*). Я?! Сержусь?!

Шура. Конечно!.. А ошибаться всякий может!

Студент (*стучит карандашом по столу*). Дальше!..

Шура (*продолжая свое*). И социал-демократы тоже!

Студент (*стучит вторично*). Я говорю “дальше”! Потому что если вы более сведущи в социальных вопросах, то незачем было меня приглашать! Занимались бы без помощи “репетитора”! Я ведь вашему отцу не навязывался: он сам уговорил меня пособить вам, в деле политического просвещения! Потому что стыдно быть недоучками, когда отец ваш был сослан в Сибирь за свои убеждения. И вы должны быть достойны отца!

Шура (*наивно*). Мы же и стараемся!

Студент. А коли так, так нечего препираться со мною!

Незадолго до этого раздается приближающийся шум аэроплана, летящего, как слышно, слева направо. Девушки, улыбаясь друг другу, обращаются вслух не столько в направлении к своему “репетитору”, сколько к шуму пропеллера и вдруг, словно по команде, бросаются к окнам, у которых, с затаенным дыханием, следят за пролетающим аэропланом.

Нюра (*волнуясь*). Это Миша!.. Мишин “Ньюпор”...

Шура. Нет, не Мишин! Тот совсем по-другому гудит!

Нюра. Ну вот, будешь спорить! Это “Ньюпор”!

Шура. “Ньюпор”, но не Мишин!.. Тот летит, словно воркуя, а этот...

Нюра. Я же не глухая!

Шура. Я тоже!

Серафима Кондратьевна (*появляется слева из двери в глубине. Это молодая красивая женщина, с типично русским “иконописным” лицом; все время кажется, что внутренний огонь словно пожирает ее, отражаясь жеуче в ее огромных глазах*). Никак подпоручик Дробницкий летит?.. А?.. Слов-

но бы его аппарат?

Студент (*протирает пенсне, с недовольным видом, и взирает в небо, в окно, прищуренными глазами*). И откуда это вы научились различать так хорошо, чей аппарат, кто летит, куда летит и тому подобное?

Серафима Кондратьевна. Господи! Да поживите с наше в Гатчине и живо научитесь различать и “Моран”, и “Фарман”, и “Ньюпор”! Ведь аэродром здесь близехонько! Разве вы не знали?

Нюра (*хлопая в ладоши*). Миша!.. Миша!.. Это его мотор!

Шура. Нет, не его!

Серафима Кондратьевна (*Студенту*). Вы как скоро отзанимаетесь с дочками?

Студент. А что?

Серафима Кондратьевна. Да уж пора к завтраку накрывать, — ждем лишь мужа!

Слева, следом за Серафимой Кондратьевной появляется ее отец, старик Смолько, в потертой флотской тужурке, с боцманскими отличьями.

Смолько (*говорит хриловатым добродушным тоном “напрямки”, характерным для “морского волка”, и притом с украинским акцентом*). Сима!.. Куда же ты делась, сэрденько? Ась? Обещалась пришить пуговицу, а сама с иголкой сховалась!.. (*Увидев Студента*). Здравия желаю, господин студент!.. Як Бог милует? (*Здоровается*). Нэ чересчур того... мастесь с дивчатами? Ась?.. Вы с ними послабже! Помилосэрдствуйте трошки! Бо они ще махонькие!

Студент. Помилуйте, Кондратий Петрович! Какие же они “махонькие”? Вашим внукам уж замуж пора! Такие кокетки, что страсть! А уж своевольные, упаси Боже!

Смолько. “За-амуж”? Хе, хе... Еще чего выдумаете? (*Смеется*.)

Шура. Дедушка, милый! Ты все знаешь! Который теперь час по Пулковской обсерватории?

Смолько (*крякнув*). Час приема у дохтура! Я к нему иду!

Серафима Кондратьевна. К доктору Дробницкому? Тебе снова худо?

Смолько. Рэвматизм больно шкодит в коленке! Приструнить его трэба! А то хромаю — конфуз! (*Студенту*). За кого ж это они замуж пойдут, когда скоро на войну всех возьмут? Вы разве не бачили, что в газетах гуторят? Недаром к нам Пуанкарэ министр приезжал! Это к войне, верьте слову! И опять же из лагерей сколько полков вызвали! Почитай вся гвардейская кавалерия!

Студент. Это не из-за войны!

Смолько. А из-за чего же?

Студент. Из-за забастовок на петербургских заводах!

Шум аэроплана вдруг сразу стихает.

Серафима Кондратьевна (*отцу*). Ну, идем что ли! (*Уходит налево*.)

Смолько (*Студенту*). Что вы! Станут они из-за забастовок гвардию трэвожить! Войной пахнет! Порохом — о це причина! (*Уходит вслед за дочерью*.)

стят на полях, истребляют на пользу хозяйству! Божья помощь через них мужику, право слово!

Шура (*птичке, целуя ее в голову*). Ты слышишь, бедняжка? Слышишь, как тобой не нахвалится?

Голос Серафимы Кондратьевны (*слева*). Дарья!.. Дарья!.. Куда вы запропастились?!

Дарья (*нараспев*). Иду-у!.. (*Убегает налево*.)

Студент (*Шуре, покачивая укоризненно головой*). Ну можно ли быть такой сентиментальной?! И это в наш трезвый практический век!

Нюра (*вытирая Шуре глаза*). Смотрите — до слез себя довела!

Студент. А все от излишка фантазии — воображаете себя птичкой наверно? Да? Маленькой, слабой птичкой? Эдаким невинным порхающим существом, которому сам Бог велел всех пленять, умилять, восторгать?

Нюра (*ему*). А вы знаете? Вы догадались! Шура даже кроватку себе устроила вроде гнездышка!

Студент. Ну, вот видите!.. А как это “вроде”? То есть я хочу спросить, в каком смысле?

Нюра (*смеясь*). В самом птичьем смысле! (*Целует сестру в щеку*.) Шурочка гораздо оригинальнее, чем кажется!

Шура (*грустно, полубоженно*). Ты говоришь “Шурочка”, а мне слышится “дурочка”!

Нюра (*с чувством*). Ну, тогда ты и впрямь дурочка, если тебе слышатся несуразности! Потому что, видит Бог, я... (*Махнув безнадежно рукой*.) Ну, да что там!

Студент (*Нюре со смехом*). Запутались?

Шура (*пичужке, медленно уходя с нею налево*). Идем, моя крошка! Нас здесь не понимают! Бог с ними! Не всем ведь доступен птичий язык! Надо быть ближе к небу! Правда, тью-тью? Сейчас я верну тебя в теплое гнездышко, и крылышко там заживет в лучшем виде! (*Поворачивается к присутствующим и кланяется им на пороге двери*.) До свиданья, господа, тью-тью-тью! Извините нас за беспокойство! (*Ушла*.)

Студент (*ей вслед, с саркастическим сожалением*). Ужасно сентиментальна!.. И что смешнее всего: видит в этом свое главное достоинство!

Нюра. А что же тут смешного, позвольте спросить?

Студент (*горячо*). Что смешного?!

В отдалении слышна “дачная” шарманка, подчиняющая понемногу сцену между Нюрой и Студентом своей грустной мелодии.

(*Невразумительно мямлит*.) Излишек сентиментальности в наше время — время ожесточенной борьбы за высшие идеалы человечества...

Нюра (*снова перебивая*). Да кто вам сказал, что это “излишек” сентиментальности? И кто вообще может знать в этой области меру? Какие у вас странные взгляды, ей-богу! Кто вам внушил их, скажите? Жандарм какой-нибудь? Солдафон-голорез? Городовой?

Студент (*задетый за живое*). Вы ужасно странно выражаетесь! У меня, простите, у самого голова на плечах, — с какой стати я буду слушаться каких-то

“солдафонов” или жандармов, которых я презираю?! И вообще... откуда у вас берется со мною этот презрительный тон?! Что я вам сделал такое, позвольте спросить? За что вы на меня все время нападаете? Разве я причинил вам зло какое-нибудь, или...

Нюра (*полунасмывает, шутя, на манер Шуры*). Тью-тью-тью-тью! Вы “самый пользительный в крестьянском быту”! Прикажете и с вами носиться, как с подшибленной птичкой? Да? (*Грозит ему пальцем и передразнивает его*.) Стыдно быть таким сентиментальным! И з л и ш е к сентиментальности в наше время — время ожесточенной борьбы...

Студент (*ловит ее грозящий палец и задерживает его крепко в руке*). Нет, серьезно, Нюра, вы... вы ко мне радикально изменили отношенья, как только на горизонте появился этот летчик Дробницкий! Что вы нашли в нем привлекательного, интересно? Какой у вас может быть общий язык с человеком, у которого, что ни слово, то “рад стараться”, “как прикажете”, “точно так” и “не могу знать”? Уж если попрекать кого “солдафоном”, так это вас скорее!

Нюра (*вырывая руку, со смехом*). Он же нарочно так разговаривает — чтобы скрыть свою сентиментальность! Потому что она ему не к лицу, как военному человеку!

Студент (*снова хватая ее за руку*). Не защищайте! Вам не удастся это... (*Обрывает фразу, слышав шаги*.)

Смолько появляется слева в вычищенной тужурке, с флотской фуражкой в одной руке и с рыночной корзинкой в другой. На секунду старик приостанавливается, крикает предостерегающим образом и немедленно же, как ни в чем не бывало, продолжает свой путь направо в переднюю.

Нюра (*чуть-чуть смущенная*). Куда это ты, дедушка... с корзинкой?

Смолько (*на ходу*). За птичьим молоком... (*Пауза. Дойдя до двери направо, вдруг оборачивается и, сделав два шага назад, обращается к студенту, словно извиняясь*.) Оны еще махонькие, господин студент!.. Так что ежели насчет ухаживанья, вы... помилосэрдствуйте!

Студент (*покараснев*). Я... и не думаю “ухаживать”!.. Я просто так, на товарищеских началах...

Смолько (*улыбаясь просительно*). Онэ еще махонькие! (*Уходит направо*.)

Студент (*оправившись*). Чудак старик! Как будто я вас съем! Прямо смешно!.. И о каком это птичьем молоке говорил он? Намек какой-нибудь? Да?

Нюра (*пытаясь улыбнуться*). Это он в шутку!.. И потом... дедушка порой заговаривается — он ведь очень старенький, наш дедушка, и, кроме того (*показывает на голову*)... немного “того”!

Студент. Гм... Большой чудак, во всяком случае! Шарманка потихоньку стихает.

Шура (*появляется в саду, перед окном, с ликующей улыбкой. Сзади нее проходит налево кухарка Дарья*). Водворили синичку на “место жительства”!.. Она даже крылышки расправила, как почув-

ствовала себя “дома”. Вот так! И чирикнула! *(Поднимает изогнуто руки в виде крыльев и вдруг замечает в своем костюме изьян.)* Ого! Я, кажется, блузку сейчас разорвала под мышкой! *(С интонацией сожаления.)* Тью-тью-тью! *(Вдруг восторженно.)* Зато как чудесно среди верхушек деревьев! Высоко-высоко! Так близко к Богу... *(Студенту и сестре.)* Я сейчас переоденусь! Подождите меня чуточку! Я мигом! *(Убегает садом налево.)*

Студент *(тихо Нюре, кивая вслед Шуре).* Ну, объясните на милость, за чем ей мои уроки и вообще наши собеседования о политике? Ведь для нее это прямо — “не в коня корм”! Только мешает нам!

Нюра. Вот глупости! Чем она нам мешает?.. И потом разве хватит духу сказать ей, что она... *(Понижает головой, не договаривая.)* Уж и так была драма, когда ее в гимназию не приняли по нездоровью... Боже, как она плакала!

Студент *(наморщив, соболезнуя, лоб).* У нее, кажется, легкое одно не работает! Мне говорил Семен Иванович, что...

Нюра. Она вообще не жилица на этом свете.

Студент. Ну вот видите — ей может быть даже вредны наши занятия!

Нюра. Но ей так хочется идти вровень со мною!

Студент. Мне самому жаль ее! Но она “тормозит” нас, потому что ваша Шурочка, как это ни грустно...

Нюра. ...“Дурочка”, вы хотите сказать? Ошибаетесь: она только непохожа на других, а в общем у нее очень много “своего ума”! Я хочу сказать — самобытного! И вообще, она видит весь мир совсем иначе, чем мы с вами! Впрочем, и мама то же!.. Это, конечно, трудно объяснить, но, уверяю вас, — мир далеко не во всем соответствует обычному его пониманию.

Студент. То есть что вы хотите сказать?

Нюра. То, что многое постигается вовсе не здравым смыслом.

Студент. А чем же?

Нюра. Ну, хотя бы найдем, какое свойственно чутким людям!..

В парадной, справа, раздается звонок.

Студент *(сбитый с толку горячей отповедью Нюры).* Ну, знаете ли, если так рассуждать, то и впрямь: “пофилософствуй — ум вскружится”!

Нюра *(кричит налево).* Дарья!.. Звонят в передней!

Студент *(Нюре).* ...И вообще, если читать без разбору всякие книжки, а потом валить все в кучу, то получится...

Дарья пробегает направо, в переднюю.

...“сапоги всмятку”! Или “чепуха на постном масле”!

Дарья *(оборачивается на ходу).* Чего-с?

Студент *(выкрикивает с напускным сарказмом).* “Сапоги всмятку”, говорю!

Дарья. А-а!.. Я думала, вы насчет завтрака.

Убегает в переднюю, откуда вскоре доносится шум отпираемой двери, какая-то возня и голоса “курси-

стки” Пончик, Дарья и переплетчика Лутохина.

Нюра *(смеясь).* А и правда — время завтрака пришло!..

Из передней, сильно запыхавшись, бледный и в испарине, появляется переплетчик Лутохин с двумя огромными пакетами печатного материала. Это средних лет блондин, невысокий, худощавый, узкогрудый, с благообразными чертами лица, добрыми, чуть-чуть фанатичными глазами, с редкой шевелюрой и клинообразной бородкой, говорящий тихим голосом, характерным для чахоточных.

Лутохин *(обернувшись в сторону передней).* Оставайтесь пока там! *(Студенту.)* А! Александр Емельяныч!.. *(Кладет пакеты на пол.)* Ну, как живем? *(Вытирает пот со лба.)* Слыхали новости? Война на носу!

Студент *(подходя к нему).* Вздор! *(Здоровается.)*
Лутохин. Нет, кроме шуток! Мир сошел с ума! *(Кричит налево в сторону двери, ведущей в переплетную.)* Леонтий! Товарищ Леонтий! *(Нюре.)* Позови его, детка!

Нюра убегает в переплетную.

Студент *(Лутохину).* Никакой войны не будет! Просто бряцают оружием!

Справа входит курсистка Пончик — полноватая, немного вульгарная девушка не первой молодости, скорее “пикантная”, чем хорошенькая. Она в простенькой шляпке, скромном платье, без перчаток. Вносит большой пакет печатного материала и опускает его на пол. За нею кухарка Дарья пронесет два таких же пакета налево, в переплетную, на пороге почти сталкиваясь с Нюрой и подручным Лутохина Леонтием, который, улыбувшись прибывшим, принимает пакеты от Дарьи и уносит их в переплетную.

Пончик. А!.. и товарищ Воскресенский здесь?.. Вы мне нужны! *(Здоровается с ним.)*

Нюра. Здравствуйте, Ксения Львовна!

Пончик. Здравствуйте, Нюрочка!.. Ну что? Как занятие с Александром Емельянычем? А? *(Подсмеивается.)* “Развивает”?.. “Просвещает”?.. “Наставляет”?.. Берегитесь его, дорогая! Это такой “ухажер”, каких свет не видал!

Все смеются.

Лутохин *(Нюре).* Поди, предупреди маму: может быть, Ксения Львовна позавтракает у нас с Александром Емельянычем.

Пончик. Ни! Ни! Спасибо!.. У меня еще куча дел!..

К ним подходит Леонтий. Это тип поджарого пиетерского пролетария средних лет из “недоучек”, — у него скуластое лицо землистого цвета, лысоватый череп, на носу стальные очки, за которыми жмурятся “гляделки” ущемленного судьбой человека; в слегка змеистых губах — “вечный окуроч”.

(По-мужски трясет ему руку.) Товарищу Леонтию — почет и уважение.

Нюра убегает налево в дверь, на заднем плане.

Леонтий *(Пончик).* Ну, что бают в Питере?

Пончик. Насчет австрийского ультиматума?

Леонтий. Вот-вот!.. Ходит слух — не сегодня

ня-завтра — “пожалуйте бриться”!

Пончик (свистит). Фью-ю!.. Так вот и “пожалуйте бриться”?.. А социал-демократы в Германии на что? Надо стать последней сволочью, чтобы, будучи правоверным марксистом, голосовать за военные кредиты!

Леонтий. Ну, не очень-то я верю этим “камрадам” в опрусаченной Германии! Потому что, если расчленишь вопрос, с одной стороны — они сто процентные патриоты, а с другой — на пятьдесят процентов ревизионисты, для которых соглашательство с Вильгельмом — “раз плюнуть”!

Пончик. Ерунда! Я беседовала об этом и с думскими товарищами, они получше вас информированы!

Леонтий (с усмешечкой). А что же они говорят?

Пончик. Конечно, от войны никто не застрахован; иначе не было бы надобности выпускать эту брошюру... *(Хлопает по одному из пакетов, которые Леонтий готовится унести в переплетную.)* Но из-за этого заранее “вешать собак” на немецких товарищей глупо!

Леонтий (перебивая). А что это за “фальцовка”? *(Сдирает покрывашку с одного из пакетов и читает “титублат”¹.)*

Лутохин (отвечая Леонтию). “Рабочий класс перед угрозой войны”. Я ж вас предупредил вчера!

Леонтий. “На правах рукописи”?

Пончик. Ясно, не с благословения Синода.

Леонтий. Сколько?

Пончик. Пока десять тысяч.

Лутохин (Леонтию). Хватит станков?

Пончик. Сброшюровать спешно к тринадцатому июля! Сегодня у нас какое? Одиннадцатое? *(Смотрит на стенной календарь.)* Ах да, — у вас по новому стилю? С вашим календарем собьешься, почем зря!

Студент (шутливо). Семен Иваныч — принципиально “передовой” переплетчик!

Лутохин (устало хорохорится). А что ж, по-вашему, если Россия даже в календарном отношении не идет в ногу с веком, так и мы должны отставать?

Все вяло смеются. Слева, из двери в глубине, показываются Серафима Кондратьевна, Нюра и Шура; последняя в нарядной кофточке, которая придает ей, рядом с сестрою, особенно жалкий вид.

Серафима Кондратьевна (мужу). Наконец-то! Где ты пропадал? Пора завтракать! *(Пончик.)* Здравствуйте, Ксения Львовна! *Короткое рукопожатие.*

Что нового? Неужели война?! У меня оба брата убиты при Ляояне... Неужели снова затевают?

Шура в это время здоровается с Пончиком, а Леонтий уносит пакеты “сфальцованного материала” в переплетную.

А это что?.. *(Рассматривает пристально оставшийся пакет.)* Опять нелегалщина?! *(Вскидывает глаза на мужа и Пончик.)* Ведь мы же под неглас-

ным надзором полиции! Помилосердствуйте!

Пончик (почти лебезит). Это буквально на два дня!.. Не волнуйтесь, пожалуйста: все законспирировано! И вы должны бы радоваться как пацифистка, потому что это *(показывает на пакет)* против войны!

Лутохин уносит последний пакет в переплетную.

Серафима Кондратьевна (заглянув в переднюю). А там что еще? Тоже нелегалщина? Вы нас, видно, совсем не жалесте?

Пончик. Это... прокламации! Я их сейчас же увезу! Не беспокойтесь! *(Студенту.)* Товарищ Воскресенский, вы поможете мне развезти? Дело не терпит!

Серафима Кондратьевна из предосторожности закрывает торпливо окно.

Нюра (с недовольной гримаской, Воскресенскому). А как же наши занятия, Александр Емельяныч?

Пончик (ей, чуть-чуть колко). Есть занятия, простите, поважнее ваших!.. И как ни тяжело товарищу Воскресенскому, а... раз записался в партию, надо быть готовым на жертвы! *(Ему.)* Верно? *(Хлопает его по плечу и кланяется всем.)* До свидания!

Слева, из переплетной возвращается Лутохин. Пончик протягивает ему руку для краткого пожатия и что-то шепчет на ухо. Студент забирает со стола свои брошюры и книжку, после чего присоединяется к Пончику и Лутохину, отошедшим к рампе. Дарья (выглянув в глубине слева). Можно накрывать? Али...

Серафима Кондратьевна (подходя к ней). Да, да, сейчас! Подождите немного! *(Уходит с нею налево.)*

Нюра и Шура, попрощавшись с Воскресенским, отходят к столу и убирают с него свои тетрадки и письменные принадлежности. Потом Нюра открывает окна в сад и вдруг кого-то там радостно замечает; готовая уже вскрикнуть, она спохватывается и посылает в сад знак молчания и “повременить”.

Лутохин (прощаясь с Пончиком, спрашивает ее секретно). А куда везете сейчас прокламации?

Пончик. К доктору Дробницкому.

Лутохин. Вы с ума сошли!

Пончик (смеясь). Не к нему самому, разумеется, а к Потапову!

Лутохин (сообразив). Ах да! Он ведь фельдшером при нем состоит!

Пончик. Сейчас как раз прием у доктора!

Лутохин. Да! Там сохранней всего.

Пончик. Ну, еще бы! Военный врач и сын-офицер!

Крепкие рукопожатия. Дружески.

Не бойтесь за старых партийцев, они шадят не только себя, но таких но в и ч ко в среди нас, как вы!

Лутохин. Спасибо! Добрый путь! *(Что-то вспоминает.)* Ах да!.. *(Убегает в переплетную с негражким кликом.)* Леонтий!..

Студент (направляясь в переднюю с Пончиком). Словно помешались все на Дробницких: одни —

¹ От “Titublat” (нем.) — титульная страница.

на отца, другие — на сыне! Везет же людям!

Пончик (*задираясь*). Ревнуете Нюру?

Студент (*не оставаясь в долгу*). А вам что?

Пончик. Мне?.. Гм... (*С горькой усмешкой*.) Мне жалко вас, вот и все!

Скрываются направо; слышно, как они берутся в передней с какой-то тяжелой поклажей, и потом хлопают дверь.

Нюра (*оглядевшись, манит кого-то из сада и негромко заявляет, свесившись в окно*). Ушли!..

Перед окном, в ответ на это, появляется летчик Дробницкий в летней военной форме. Это красивый молодой офицер, немного застенчивый и на редкость обаятельный.

Здравствуйте, Миша! Почему вы садом, а не через парадную?

Миша Дробницкий (*поцеловав украдкой руку Нюры, ловко выпрыгивает на подоконник*). Там какой-то извозчик у вас, перед подъездом с поклажей. Ну, я и решил через калитку, “обходным движением”.

Нюра. Входите же!

Миша. Через окно?! Офицеру?!

Нюра. Вы же — летчик! Вам по роду службы полагается влетать, а не входить!

Миша. Ну, в таком случае... (*Перебрасывает ноги через подоконник в комнату*.) Рад стараться! (*Сам себе, командую*.) Раз, два! (*Расшиаркивается перед Нюрой и вытягивается по-военному*.) Здравия желаю! (*Снова целует Нюру руку*.) Что называется — “гони природу в дверь, она влетит в окно”. (*Смеется*.)

Нюра (*смеясь вместе с ним*). А разве вас отсюда кто-нибудь гонит? Или гнал когда-нибудь?

Миша. Никак нет! Это я так просто, к слову! Поговорка такая существует!

Нюра (*оглянувшись*). Откуда вы?

Миша. Прямо из Петербурга! Из штаба — по служебному поручению! Ну и дела, знаете! Только и разговоров, что о войне!

Нюра. Бедные сербы! Неужели Австрия и в самом деле...

Миша (*горячо перебивая*). Да тут уж не об Австрии речь, а о самой России! Мы же не можем потворствовать, чтобы право сильного торжествовало. Верно, Нюлочка? В Генеральном Штабе до того возмущены, что и сказать нельзя!

Нюра. Даст Бог — ничего не случится!.. Вы знаете, Миша, — завтра ровно год, что мы с вами знакомы! Помните... когда ваш отец начал лечить мамочку...

Миша. А мне кажется — это было вчера! Или вернее — тысячу лет тому назад! Потому что мне теперь трудно представить себе, чтобы я вас раньше

не знал.

Нюра. И мне тоже! Как странно!

Миша. Я к вам прямо с вокзала! Даже отца еще не видал! А он ждет моих новостей, как в лихорадке, наверно!

Нюра (*конфузясь*). Я вам очень признательна...

Миша. Не мог удержаться, чтобы к вам сперва не зайти! Потому что (*его голос пресекается*)... неровен час — мобилизация и тогда...

Нюра. Бросьте! Этого не может быть! Вы нарочно меня пугаете!

Миша (*голосом, в котором готовы задрожать слезы, тихо, по-детски ласково и просто*). Нюлочка, я вас так люблю. Так люблю, что если бы вы только знали... (*Сжимает в руках фуражку и, закрыв ею лицо, отворачивается, чтобы скрыть волнение*.)

Нюра (*задушевно, с прерывистым дыханием*). Миша!.. Это же невозможно, чтобы... Вы преувеличиваете, наверно!.. Этого не может быть, дорогой! Я не могу себе представить, чтобы...

Шура (*входя слева*). Миша?! Вы?! (*Здоровается с гостем*.) Оставьте завтракать! Сегодня у нас битки в сметане и лесная земляника! Какой вы интересный сегодня!.. Впрочем, вы и третьего дня были интересный, и позатретьего дня, и накануне были тоже очень интересный, и перед этим, на прогулке... Вы всегда интересный! А уж когда “петли” начинаете в воздухе делать, — ну тогда прямо глаз нельзя оторвать, до чего интересный!

Нюра (*ласково, прекращая поток ее слов*). Мише нужно домой! Он прямо из Петербурга, из Штаба.

Шура (*живо*). Поездом?

Миша. Поездом. А что?

Шура (*Нюре, торжествуя*). Ага! Я была права! (*Ему*.) Нюре показалось, что это вы летали здесь давеча! А я прекрасно знаю, как ваш мотор гудит, и оказалась совершенно права! (*Хлопает по-детски в ладоши*.)

Миша (*обращается к ней с улыбкой снисхождения, как к ребенку*). Как же мой мотор гудит, Шуручка? А?.. Расскажите!

Шура (*чуть кобенясь, по-детски*). А он... словно голубок воркует!.. Серьезно! И я очень хорошо чую, что он воркует... даже когда вы на большой высоте!

Миша. Неужели у вас такой тонкий слух, что вы можете отличить мой мотор?

Шура (*зардевшись*). Да как же его не отличить (*поднимает взор кверху*), когда он так ясно, ясно выговаривает, словно дразнит меня: “Шура, Шура, Шура, Шура, Шура, Шура, Шура”...

Нюра обменивается с Мишей многозначительным взглядом, и оба беззвучно смеются, пока Шура, в упорении, повторяет: “Шура, Шура, Шура, Шура” и т.д.

Картина 2

У доктора Дробницкого.

Картина представляет собою типичный кабинет русского терапевта начала двадцатого века, с обычной, для данного места действия, мебелью и “аксессуарами”. Комната неглубока. За письменным столом, направо, стоит подвижное кресло. Клеенчатая “больничная” кушетка, налево, прикрыта белой простыней; около

нее табурет. Стены кабинета заняты полками с книгами и с лабораторно-медицинскими препаратами.

Единственная в комнате дверь разделяет среднюю стену на две равные части.

При поднятии занавеса старик Смолько сидит, согнувшись, на кушетке, в одном матросском "тельнике", с высоко засученными рукавами; около него, на табурете, сидит доктор Дробницкий, со вниманием рассматривающий жилистые руки пациента. Доктор одет в серую туужурку военного врача (со звездочкой "статского советника" на позонах); это коренастый человек, небольшого роста, в очках, которые он то и дело вскидывает на лоб; его лицо, голос, манеры — все изобличает в нем русского интеллигента конца девятнадцатого века, доброго, с напускной строгостью, слегка чудоковатого. Недалеке от них, прибиравая банки с жидкостью "для анализа", стоит в белом халате установленного образца фельдшер Потапов — верзла средних лет, про которого хочется сказать, что "хоть не ладно скроен, зато крепко сшит" и, вследствие этого, не боится, по-видимому, спиртных напитков, как яда.

Доктор Дробницкий (осмотрев локтевые сочленения у Смолько). Нда-с... "анкилозы" все еще того-с... Типично морская шуткенция, батенька! На службе, должно быть, неосмотрительны были? Давно это у вас началось?

Смолько (опускает рукава; Потапов подходит ему помочь). То-ись шо такэ?

Доктор. Да вот эти неприятности?

Смолько. Служебные?

Доктор. Нет, ревматические?

Смолько. А-а!.. Так то ще с того времечки, як я в "кругосветное" ходил третий раз!.. Море тогда дуже баловалось, як Америку огибали; вот и промочило маленько! А "Эльбург" — пакебот — может, слышали — и совсем тогда промок, бедненький!

Доктор. То есть как это "совсем"?

Смолько. А так что потонул, звыняюсь!.. И мы бы смогли тоже!

Фельдшер Потапов (Смолько и пытаюсь состричь). Ваше "кругосветное", значит, чуть не стало "на-тот-светным" путешествием, хе, хе?

Доктор (Потапову, шутливо морщась). Ради Бога! Не угнетайте своим остроумием! И так сегодня жарко и душно! (Смотрит на часы.) Приготовьте лучше шприц, чтобы закатить дедушке "йоддину" порцию!

Потапов, продолжая посмеиваться, зажигает спиртовку, на которой кипятит потом воду, и в ней во время последующего диалога стерилизует шприц. (Подбодряюще поглаживает по плечу Смолько.) А потом, старина, я вам такое впрыскивание пропишу, что прямо помолодеете! Ей-ей! Сейчас как раз такие опыты в одной лаборатории производятся. Ведь разве это не безобразие, что люди так скоро стареют? А?

Смолько. Оно, конечно, обидно, господин доктор! Стольким, скажем, премудростям обучился во флоте! Применять бы и дальше науку на пользу отечеству, а, между прочим, смерть уже за ногу цапает!

Доктор. А вот мы ее по рукам-то и хлопнем, ха, ха! Она и бросит свои замашки, когда "жизненным эликсиром" запахнет!

Потапов (Смолько, вновь пускаясь в "острословие"). Это уж наука тому по р у к о й, что смерть по рукам будут хлопать! (Самодовольно смеется.)

Доктор (ему). Пощадите, прошу вас! От вашей "игры слов" живот может вспучить!.. (Смолько.)

Кстати — как у вас насчет живота? Функционирует кишечник? Исправен?

Смолько. Функционировать-то он, конечно, функционирует, а только, звыняюсь, нэ действует каждый день!

Доктор (сдержав смех). Вот это нехорошо! От большого кишечника половина всех болей происходит: и мигрень, и бессонница, и сыпи на теле, словом — "чего хочешь, того просишь"!

Потапов (заканчивая стерилизацию шприца). Да кто же их "хочет", Борис Борисович? Помилуй Бог от таких прелестей!

Доктор (встает и шутливо "наскакивает" на Потапова). Кто хочет, спрашиваете? Да хотя бы вы! (Поворачивается к Смолько, указывая на Потапова.) У человека застарелый геморрой! Другой давно б уж дал себя оперировать! Так нет же — хочет страдать им, отравляя себе существование! И весь мир должен быть в ответе за это. А так как миру начхать на его болезнь, то он и бунтует, вымещая все на других!

Потапов. Ну, уж вы и скажете, Борис Борисович! Люди могут Бог знает что подумать!

Доктор (расширяясь перед ним с добродушной иронией). Ах, вы не бунтовали в девятьсот пятом? Нет?.. И мне не пришлось вас вызволять тогда у жандармов? Тоже нет?.. (Смолько.) Вы не можете себе представить, что это за кровожадный революционер!..

Всем недоволен: правительством, жизнью, Богом!.. А все из-за чего? Из-за геморроя! Ей, ей! (Потапову.) Лечиться надо! Вот и все! Не возражайте, пожалуйста! Видел я также вашего Троцкого в девятьсот пятом, когда он неистовствовал в Совете рабочих депутатов! У вас геморрой, а у него катар! И каждая мысль его — плод несваренья желудка! Каждая фраза его окрашена желчью! И такие-то люди, как Троцкий или вроде вас, хотят властвовать над другими? — над теми, кто, в свою очередь, болен от наследственного безделья, пьянства, сифилиса, барских извращенностей и одержим страхом перед воображаемыми опасностями?! Лечить надо таких людей, батенька! Лечить! И вас и их! И никаких тогда революций не будет! (Смотрит на часы.) Что это Миша как задерживается в Петербурге?.. Протелефонировать что ли в штаб?

Потапов (не без злорадства играя на нервах Доктора). Может быть, забастовка на железной дороге?

Доктор. Ну, вот еще! Скажете!

Потапов. И очень просто: на заводах Лесснера

сейчас беспорядки, на Пороховых бастует тротилитовое отделение и капсульное тоже; в типографии Яблонского третий месяц печатники в стачке; на Обуховских накаплист...

Доктор (перебивая). Те-те-те!.. Откуда это у нас такие точные сведения: где какая забастовка, на каком заводе кипит, а где еще только накаплист?

А?.. Ой, смотрите, Потапов! Влопаются опять в историю, — на меня уж тогда не рассчитывайте!

Потапов (ухмыляясь). Помилуйте, Борис Борисович!..

Доктор (снова смотрит на часы). Я-то помилую; а вот помилует ли снова департамент полиции — это вопрос!.. Пойду-ка все же протелефонирую! (Уходит.)

Потапов к этому времени прокипятил в воде шприц, достал “йодипину”, банку с эфиром и, намочив в нем вату, вновь засучивает один из рукавов у Смолько и растирает ему предплечье, готовясь к впрыскиванию.

Потапов (занимает разговором Смолько, делая не торопясь свое дело). Вот вы коснулись Америки... А как это — говоря откровенно — подходящая страна или в некотором роде реклама?

Смолько. Да как сказать? Оно, конечно, везде люди живут!

Потапов (набрав в шприц лекарства, подносит к руке больного). Ну, а как насчет языка? Я слышал — замысловатый и трудно разобрать, ежели без выучки?

Смолько (деликатно сплюнув). Привычка.

Потапов (выбрав место на руке для укола). То есть практика, вы хотите сказать?

Смолько. Она самая! А ее не больно трудно и приобрести!

Потапов (вонзая в руку шприц). Не больно трудно, говорите?

Смолько (слабо вскрикивает). Ух!.. (Краткая пауза.) Не больно! Нет.

Потапов. Завидую я вам, Кондратий Петрович! В каких только странах не побывали!

Смолько (объясняя). Моряк! Только через это! Поступите во флот — и с вами то же случится.

Потапов (посмеявшись). А где, по-вашему, лучше всего?

Смолько. На родине.

Потапов. Я слышал, в Англии комфорту больше!

Смолько. Зато товары дороже. (Пауза.) А только не всякий знает, где его настоящая родина.

Потапов. Это в каком смысле?*

Смолько. А в том, что забыли к ней дорогу, — вот и потерялась она для людей!.. А она одна, и у всех та же самая! А находится, я слышал, в такой мирной стране, где сами ангелы вьют себе гнездышки на деревьях.

Потапов (почти насмешиливо). Да что вы говорите?.. Вот бы съездить полюбопытствовать!

Смолько (мечтательно). Так сказывают!..

Потапов. Где же та страна находится, интересно? Почему о ней в географии ни гу-гу?

Смолько. Потому что сховалась та страна в оке-

ане за рифами... После землетрясения, когда джоже люди Бога прогневали!

Потапов. Скажите, пожалуйста, какая досада!

Смолько. А як стало вместо одной родины сотни, — вот и пошли с того времени войны! Потому как всякий свою родину хвалит, а на чужую ему наплевать!

Входит доктор Дробницкий, с сильно озабоченным видом.

Потапов. Ну что, Борис Борисович, узнали что-нибудь?

Доктор. Ничего не мог толком добиться.

Смолько (прощаясь с ним). До свиданьице! Благодарствуйте, доктор! (Сует ему рубль.)

Доктор. Потом заплатите, когда вылечитесь! (Потапову.) Кто это там насорил, в передней? И чья это корзинка там, от которой пух летит во все стороны? Уберите ее к черту!

Смолько (робко). Это моя, звывняюсь... Для внучки... Она гнездышко себе вьет (смотря заискивающе на Потапова)... на манер ангелочков... Так вот я матерьяльцу ей насбирал. Такая корзинка нескладная! Прямо конфуз получается. Я ее сейчас уберу! Прощайте! (Кланяется, торопясь уйти.)

Доктор (задерживает Смолько, озадаченный его словами). Простите, я не расслышал, о каком это вы гнездышке сейчас...

Издали доносится электрический звонок.

Фу, черрт... (Потапову, строго.) Скажите, что я заканчиваю прием!.. Запишите на завтра.

Потапов. Слушаюсь. (Уходит.)

Смолько (несколько мнется со своим ответом Доктору). А это я тут рассказывал насчет разных стран... Будто такая страна есть в океане далеком, где ангелочки, звывняюсь, себе гнездышки вьют.

Доктор (смотря на Смолько, как на полоумного). Да, да... разные бывают страны... Вам, верно, много довелось их перевидать? Не тянет эдак... снова попутешествовать?

Смолько (мотая отрицательно головой). Не-е! Будет! Напутешествовался!.. Человек не может без конца путешествовать: когда-нибудь и остановиться треба!

Доктор (перестав думать, что перед ним сумасшедший). Вот, вот!.. Это только разным смутьянам лобы кровавые авантюры! Им, конечно, наплевать на моего Мишу, который остался мне единственным утешением после смерти жены! Ну, а мне, простите, не наплевать! Вы слышите? Не наплевать!

Смолько (простодушно). Слышу, слышу!

Потапов (возвращается с конвертом служебного образца, запечатанным казенными печатями, и передает его Доктору). Экстренный пакет из военного госпиталя.

Доктор (вскрывая пакет с недовольным видом). Что еще такое? С какой стати “экстренный”?

Смолько (пятясь к двери). До свиданьице! (Кланяется Доктору, улюбившемуся в чтении казенной бумаги, прощается за руку с Потаповым и уходит.)

Доктор. Ну, вот, словно предчувствовал — все

разрешения отпусков временно отменяются!

Потапов. Видно, и впрямь к войне дело клонится!

Доктор (*бросает полученную бумагу на стол и, взяв себя в руки, прохаживается по кабинету*). Никакой войны у нас, конечно, не будет! Во-первых, мы к ней еще не готовы, а во-вторых, мир еще не сошел с ума, чтобы рисковать ни-за-что ни-про-что всем своим достоинством!

Потапов. Оно, конечно... Хотя, как знать! Сумасшедших все больше и больше становится! Взять хоть этого морехода, что сейчас приходил!

Доктор. Вы думаете — он сумасшедший?

Потапов. Вам это лучше знать: вы доктор и к тому же лечили его дочку, — эту самую... Лутохину, жену переплетчика!

Доктор (*задумчиво*). Миша, кажется, слегка приударяет за его внучкой? А?

Потапов. Не знаю. А только вы ее долго лечили, эту самую Лутохину, Серафиму Кондратьевну!

Доктор (*вяло улыбаясь*). Вы хотите сказать: лечил, да не вылечил?

Потапов. Ну ведь неизлечимых никакая наука не вылечит!

Доктор. Ясное дело! А у этой Лутохиной та редкая форма психостении, которая лишь недавно открыта Вальдштейном: большую клонит ко сну... ее все время осаждают всякие сновидения, и она не может сомкнуть глаз без того, чтобы ей что-нибудь не пригрезилось!

Потапов. Паршивая болезнь! Лучше бы этот Вальдштейн и не открывал ее вовсе!

Слышен звонок.

Доктор. Никого больше не пускать! Не успею! (*Смотрит на часы*.) Миша сейчас должен приехать!

Раздается стук в дверь.

Кто там?

Пончик (*влетая с обворожительной улыбкой*). Разрешите на одну минуточку?

Доктор. Здравствуйте, дорогая! Я, к сожалению, занят и поэтому...

Пончик (*договаривая свое и перебивая Доктора*). ...на правах бывшей слушательницы акушерских курсов? (*Здоровается с Доктором и Потаповым*.)

Доктор (*нехотя*). Чем могу служить?

Пончик (*почти скороговоркой*). Вторую ночь не сплю: сердцебиение, усталость... С этой глупейшей жарой и известиями о войне все нервы измочалились. Принимала "борнивал" — ноль эффекта, "камфару бромату" — никакого действия, "бромураль", "Антинервин", "валил", "валидол", "дормиол" — ни малейшего облегчения! Прямо не знаю, что делать!

Доктор. Замуж выйти! Вот что делать, коллега! Вся ваша нервозность — от сексуальной неуравновешенности!

Пончик (*обмахиваясь платком и кокетливо вытирая пот со лба*). Вам все шуточки, доктор! А между тем я серьезно прошу выслушать мое сердце! Потому что неровен час и...

Доктор. Чепуха! Я ж недавно вас осматривал! А это, знаете ль, не безопасно в моем возрасте и при чарах вашего телосложения! (*Заслышав повторный звонок телефона*.) Никак телефон? Простите, коллега! (*Быстро уходит*.)

Пончик (*торопливо говорит Потапову, полушепотом*). У подъезда извозчик. На ш, не бойтесь! Примите от него листовки "против войны", для рабочих! Я постараюсь подольше задержать докторишку...

Потапов подходит настороженно к двери и плотно ее закрывает.

Не бойтесь, — у телефона сейчас Воскресенский!

Потапов (*нервно*). Кто?

Пончик. Саша — студент. Он задержит доктора минуты на три!.. Вам нетрудно принять сейчас два тюка? Для "Рельсопрокатного" и для "Ремонтного" на Балтийском вокзале?

Потапов (*хмуро*). Раз надо, так надо!.. (*Не без возжеления обхватывая ее талию*.) Ох, умница-разумница! Все-то у нее предусмотрено!.. А сама — ну прямо не Пончик, а вылитый помпончик!

Пончик (*высвобождаясь из его объятий*). Не дурачьтесь, Потапов! И без вас жарко!.. Скажите лучше, почему вас не было вчера на собрании? Получена "шифровка" из-за границы. Пишут: скоро прилёт нам такую инструкцию в связи со слухами о войне, что мы ахнем от удивления! (*Прислушивается*.) Никак его шаги? (*Пауза*.) Сварганьте поживее прокламации! И чтобы надежным образом! Слышите? А пока вы будете там валадаться, я займу ваше начальство своей персоной!

Потапов. Так сказать — даешь "Самсона и Далилу"?

Пончик. Вот-вот! Сцену оболщания в постановке Художественного театра!

Потапов. Только не переиграйте, смотрите! А то я ух как ревни!

Оба сразу смолкают: в коридоре раздаются приближающиеся шаги Доктора.

Доктор (*входит с недовольным видом, садится за стол, что-то отмечает в блокноте и, вскинув глаза на свою пациентку, буркает безапелляционно*). Раздаться!

Пончик (*кокетничая*). Я так и знала! Все мужчины на один лад!

Потапов, воллющая "верх деликатности", вскальзывает из кабинета.

(*Снимает блузку и расстегивает лифчик*.) Вы чем-то расстроены?

Доктор. Устал! (*Пауза*.) Опять звонили ради освобождения от воинской повинности... (*Встает, стукнув кулаком по столу*.) Люди прямо спятили!.. Войны еще нет и в помине, а уж начинается паникерство!

Пончик. И юбку снять?

Доктор. Юбку можете оставить! (*Вслушивается ей*.) Дышите!.. (*Пауза*.) Не дышите! (*Надавливает ей шейные вены и исследует пульс*.)

Пончик (*после паузы*). А вы бойтесь войны?

Доктор. Не столько войны, сколько глупости!

Пончик. А что вас смущает?

Доктор. А то, что врачи заботятся, как бы prolongить человеческую жизнь, а другие — как бы ее сократить!

Пончик. Чему ж вы удивляетесь: при буржуазном режиме вся жизнь полна противоречий!

Доктор (*продолжая свое*). Вот тут и разбирайся, когда в одно и то же время ты и врач, и военный! Тьфу!

Пончик (*почти ластаясь к нему*). Бедный вы, бедненький! (*Опуская слегка рубашку на груди*.) А что это у меня здесь за пятнышко, доктор?

Доктор (*нагибается к ней*). Где?.. Вот это?

Пончик (*томно, сквозь зубы*). Д-да... что это такое?

Доктор. Комариный укус!

Пончик. Ну, слава Богу! А я думала — прыщ!

Поталов (*входя, немного запыхавшись*). Михаил Борисович... подходит к дому!

Доктор (*радостно*). Миша?! Зовите его сюда! Наконец-то!

Пончик. До свидания, доктор! (*Процаетса*.)

Доктор. До свидания, голубушка! Обтирайтесь на ночь водичкой и поменьше ешьте мучного! Чтобы людям не дать повод говорить: “С жиру бесится”.

Она со смехом уходит в сопровождении Поталова.

(*Сбрасывает с себя китель и, вытерев наскоро пот с шеи, поворачивается к двери, в которую стучат*.) Войдите!

Миша (*врывается в кабинет в приподнято-радном настроении и бросается Доктору на шею*). Здравствуй, отче!.. Не сердись, что опоздал! Не мог! Сейчас объясню — почему!

Доктор (*обнимает его со всех сил и перебивая его речь поцелуями*). Молчи, разбойник! И не оправдывайся!.. Прямо разбойник! Не жалеешь отца! А меня когда-нибудь кондрашка хватит! Потому что уж довольно того, что сын летчиком стал, так нет же! — надо еще, чтоб война нависла в воздухе! (*Вдруг начинает беззвучно плакать*.) А у меня и так нервы от этой жары ни на что не похожи! И вообще, кроме тебя, у меня никого... И если что случится с тобой... я... я не переживу!

Миша (*с наигранной молодцеватостью*). Ну,

брось, ей-богу!.. Что за срам такой!.. Еще увидит кто ненароком!

Доктор (*вытирая глаза и успокаиваясь*). А ну их всех к черту! Какое мне дело до других! (*Громко высморкавшись*.) Что говорят о войне?

Миша. Никто в нее не верит! Австрийский блеф, говорят! Тем не менее предпринимаются меры...

Доктор. Какие еще там “меры”? Это, что отпуска прекращены?

Миша. И это, и насчет мобилизации...

Доктор. С ума они сошли со своим Распутиным!..

Миша (*улыбаясь*). Да не волнуйся ты, ради Бога, — никакой войны, я уверен, не будет! У меня есть новость для тебя поважнее!

Доктор (*прищурившись*). Служебная?

Миша. И вовсе не служебная!

Доктор. Ну, что еще! Не томи!

Миша (*чуть не танцуя от счастья*). Нюрочка Лутохина согласилась стать моей женой!

Доктор (*после паузы недоумения*). Нюрочка Лутохина?

Миша. Да! И мы просим у тебя разрешения на брак!

Доктор. Постой, постой!.. Это какая же Лутохина? Та, у которой здесь не в порядке? (*Показывает себе на лоб*.)

Миша (*смеясь*). То Шурочка, а это Нюрочка!

Доктор (*растерянно*). И ты хочешь на ней жениться?

Миша. Ты угадал!

Доктор. А... а как же я?

Миша. Ты будешь жить с нами!

Доктор. Да разве в твои годы женятся, братец? Это же форменное безумие!

Миша (*смеясь*). У тебя все “безумие”! И война — “безумие”, и женитьба — “безумие”.

Доктор. Э-э! Нет-с! Извините-с! Из двух зол я выбираю все же меньшее!

Миша. Значит, согласен?

Доктор (*качая головой, с еле сдерживаемой улыбкой*). Очень вам нужно мое согласие, подумаете!

Миша. Ну, а все же, согласен?

Доктор. А что же мне остается, как не согласиться?

Миша (*кидаясь Доктору на шею и целуя его, в неопишемом восторге*). Отче!.. я задупу тебя!

Действие II

Картина 3

В спальне Лутохиной и ее дочек.

Небольшая комната, расположенная углом, то есть представляющая собой треугольное пространство, ограниченное двумя стенами, сходящимися на заднем плане сцены.

Слева постель Серафимы Кондратьевны, справа — Нюры, посреди них, во главе угла, небольшая, но сравнительно высокая тахта, окаймленная кольцом сплетенных вместе камышей и древесных веток, наподобие внешней ограды птичьего гнезда.

В изголовьях постелей Серафимы Кондратьевны и Нюры небольшие иконки старинного письма; в углу, над “гнездом” Шурь, образок, представляющий Духа Святого в виде голубя; под образком, на парчовой ленте — большое пасхальное яйцо.

Два стула и табурет завершают “меблировку” спальни.

При поднятии занавеса сцена пуста. Через три-пять секунд входит, прижимая платок к глазам, Шура и бросается полуничком на свою тахту, имеющую вид “звезда”. За ней следом входит Нюра.

Нюра. Ну, чего ты плачешь?

Шура. Оставь меня в покое!

Нюра. Я тебе надоела?

Шура. У меня болит голова.

Нюра. Неправда! Я знаю, почему ты плачешь!

Шура. Ты все знаешь!.. То есть воображаешь это! А от этого ничего и не знаешь!

Нюра. Чего же это я не знаю, скажи!

Шура. А того, что я так несчастна, как никогда!

Нюра. Вот тут-то и ошибаешься! Потому что, если хочешь знать правду, то Миша на самом деле влюблен не в меня, а в тебя!

Шура (*вскинув на нее глаза*). Миша?! Зачем ты говоришь глупости?! Такими вещами не шутят!

Нюра. А вот и не глупости! Может, и вправду мотор его воркует все “Шура” да “Шура”!

Шура. Я это сказала... для смеха!

Нюра. Да, да! “Для смеха”! Меня не надуешь!

Шура. Я уверяю тебя...

Нюра. Не уверяй, ради Бога, а лучше присмотришь повнимательней к Мише! Это такой скрытный человек, Шуручка, что ты даже и представить себе не можешь!

Шура. Ну вот! Опять говоришь “Шуручка”, а думаешь про себя “дурочка”!

Нюра. И ничего подобного! Потому что Миша только притворяется, что влюблен в меня! Да, да! Притворяется, чтоб меня задобрить!

Шура. Задобрить?! С какой стати?

Нюра. А чтобы я... не противилась твоему счастью с ним! Да, да! Нечего глаза так таращить, будто я невеста какую-то чужую! Он и к маме так подлаживается, потому что боится отказа...

Шура. Какого “отказа”? Христос с тобой!

Нюра. Отказа выдать тебя замуж прежде меня! То есть младшую дочку раньше старшей!

Шура. Откуда ты это взяла? Что за фантазия?! Или ты рехнулась совсем вообще, что за вздор ты сегодня плетешь?

Нюра. А вот и не вздор! Потому что надо знать психологию мужчины. Мы их все судим по-своему, то есть по-женски! А на самом деле это такие хитрые бестии, которые лишь прикидываются, что сродни нам характером, а на самом деле это совершенно другая порода людей.

Шура. Зачем же им прикидываться, я не понимаю!

Нюра. А чтоб вернее ввести в заблуждение! Девушка, как увидит, что мужчина страдает, — ей так жалко его становится, что все просьбы его, даже и не очень приличные, она готова исполнить! А мужчина только и ждет того, чтобы погубить девушку! Оттого и существует на свете так много погибших созданий!

Шура (*сильно огорченная*). Да неужели ж все мужчины такие отъявленные негодяи?! Ведь после этого им руки нельзя подавать!.. А между тем...

Нюра. Это совсем не потому, что они такие уж “негодяи”, а потому, что у них такая манера! Да! Такая нахрапистая ссорка! Им непременно надо отвести глаза от настоящих намерений, усыпить бдительность своей жертвы и тому подобное... Они все время держатся как на войне! Ей-богу! “Покояют сердца”, “молят о пощаде”, утверждают, что их “пленили”, то есть взяли в плен, а в это время сами “плениают” женщин и губят их, чтобы потом хвастать своими победами!

Шура. Господи! Какая низость!

Нюра. А что ты с ними поделаешь!.. Это уж в крови у мужчины — натура его такова!.. Он никогда, например, не показывает вида, кто ему больше нравится!

Шура. Почему?

Нюра. Потому, что мужчина хочет заинтриговать собою и набить себе цену. А еще, конечно, из-за самолюбия.

Шура. А при чем тут “самолюбие”?

Нюра. А при том, что если сразу дать понять, в кого влюблен, то предмет любви может возгордиться и начать мучить своего кавалера!

Шура (*крайне недоверчиво*). Ну-у! Кто же станет мучить того, кто нравится? Это уж не только невоспитанно выходит, а просто глупо!

Нюра. Да что ты, не читала что ли в романах на этот счет, и вообще в книжках о любви? Прямо смешно не знать таких простых вещей! Во всяком случае, я тебе врать не стану! И теперь все дело от тебя зависит!

Шура. Что от меня зависит?

Нюра. Все. Потому что остановка теперь только за тем, чтобы ты не противилась.

Шура. Чему не противилась, я не понимаю? Что ты сегодня говоришь загадками?

Нюра. Не чему, а кому!

Шура. Ну — “кому”?

Нюра. Мише — вот кому!

Шура. Да ты с ума сошла! Как могу я противиться тому, кто на меня — ноль внимания! И вдобавок — тому, кто... кто мне с первого же взгляда понравился на всю жизнь?! Да! На всю жизнь!.. Никогда не поверю, чтобы он хотел меня погубить! Это такой благородный человек, культурный, воспитанный!

Нюра. А мне так он вовсе не таким представляется!

Шура. Миша?!

Нюра. Конечно, он сравнительно симпатичный, но — “не моего романа” герой! Для этого у него слишком много чего не хватает!

Шура. Да ты с ума сошла?! Разве Миша может не нравиться?!

Нюра. Я вообще убедилась за последнее время, что не люблю военных. Да, милые люди, обходительные, бесстрашные, но, в общем, как-никак... “примитив”!

Шура (*почти вскрикивает, задыхаясь*). Миша — “примитив”?!

Нюра. Во всяком случае, недалеко уехал от примитива. “Слушаю-с”, “рад стараться”, “не могу знать”, “как прикажете”...

Шура (*от всего сердца, зардевшись*). Да ведь он же шутит, когда так говорит! Это он для смеху говорит по-казенному! Нарочно! Чтоб развлечь нас! Видит, что мы не Бог весть какие ученые, — ну и не хочет смущать своей образованностью!

Нюра (*поджав губы*). Не знаю... Может быть, я ошибаюсь... Во всяком случае, прости, если оскорбила твои чувства к нему. Я не знала, что он дорог тебе даже в своих недостатках!.. Ну что же, “мир да любовь”! “Честным пирком да и за свадебку”!

Шура (*улыбаясь*). Вот ты все шутишь, Нюра, а я серьезно, — смеяться надо мною, — видела недавно сон, будто у нас за завтраком собрались гости по какому-то случаю, и вдруг встает Миша в своем новеньком френче, поднимает бокал и, как на параде, докладывает: “Я, мол, давно уже души не чаю в мадемузель Лутохиной и об этом уже знает мой папа, начальство мое и родители той, кого я нареку, с их согласия, своей законной супругой. Позвольте же мне по этому случаю предположить тост за мою обожаемую невесту, за мою бесценную Шуручку!..” Тут все повскакали с мест и переспрашивают наперебой: “Ню р о ч к у, вы хотите сказать?!” — “Нет, Шуручку”, — отвечает Миша и просит тут же благословить нас. (*Пауза.*) Ну, что ты скажешь?.. Ведь это же прямо нелепо, чтобы такой дикий сон оказался действительностью! Этого в жизни не может быть! Я это очень хорошо знаю!

Нюра (*усмехнувшись*). Почему ты так думаешь?

Шура. Потому что такого “сна в руку” никогда не бывает!

Нюра. И еще как бывает! Помнишь, маме пришлося, что у соседей пожар?.. Просыпается, а у Петровых и в самом деле сажа в трубе загорелась, и уж пожарные орудуют всюю!

Шура (*задумчиво*). Ну, мама — особ-статья!.. Мама — святой человек и вроде как ясновидящая!.. А я... кто я такая, чтобы Бог раскрывал мне, в снах, свои предначертания?! Я, может быть, самый никудышный человек на свете! Всем-то я в тягость, ничего толком не знаю, силенок все меньше и меньше... Иногда так завлакивает все перед глазами, что мнится: уж не держу ли я путь на тот свет?.. В ушах звенит тогда словно в церкви, вдали что-то вспыхивает манящее, и не то итгички поют, не то ангелочки чирикают, подражая птичкам, на потеху Всевышнему... (*Смотрит перед собою широко раскрытыми глазами, в которых застыли слезы. Пауза.*) Умереть бы скорей!

Нюра (*растерявшись*). Ну зачем ты так говоришь?.. И как тебе не стыдно, в самом деле? Кому это ты “в тягость”, скажи на милость? Разве мы все не любим тебя больше жизни, как нашу общую радость и утешение?.. Видит Бог, что я всем

своим достоянием готова пожертвовать для тебя, Шуручка, — здоровьем, знанием, силами, всем, чем только могу!

Шура (*тихо*). И... любимым человеком?

Нюра (*после едва уловимой паузы*). И им.

Шура (*подумав*). Завидую я тебе, Нюручка.

Нюра. Почему, дорогая?

Шура. Потому что у тебя столько хорошего, чем ты можешь поделиться со мною! А у меня ничего, кроме болезни, тоски и отчаяния!

Нюра (*в мучительном порыве*). Шуручка! Видит Бог, если бы не боялась Его прогневить, я бы с удовольствием умерла, чтобы только дать тебе крошечку счастья! (*Целует ее, изнемогая от жалости.*)

Шура (*вытерев глаза*). А ты все-таки любишь Мишу?

Нюра (*улыбаясь*). Мишу?

Шура. Да! Хотя немножечко?

Нюра. Гм... я много думала, Шуручка, о любви и знаешь, к какому я пришла заключению?

Шура. Ну?

Нюра. Важно не столько, кого мы любим, сколько... кого мы больше других любим. Ты понимаешь?.. Например, я очень люблю нашу Дарью — она такая славная, — но мамочку и тебя я люблю куда больше! Даже сравнить нельзя!

Шура. Я это очень хорошо понимаю. Оттого-то мне и грустно, когда думаю, что Мишу я люблю — не меньше тебя!

Нюра (*бодрящим тоном*). Это ничего, Шуручка! Это совершенно естественно, когда бываешь... влюбленной! И тут ничего худого нет! Уверю тебя, что это совершенно в порядке вещей!

Шура (*со слезами в голосе*). Нет, не в порядке вещей! Потому что кто для меня Миша и кто ты для меня? Что он для меня сделал такого, чтобы я ставила его рядом с тобой?! Ничего! И выходит как бы неблагодарность к тебе за то, что ты возишься со мной, несмотря на блажь мою и капризы! (*Плачет.*) А я не хочу быть неблагодарной! Не хочу, не хочу! Я скорее умру, чем стану неблагодарной!

Нюра. Ну, вот! Опять слезы!.. Никто тебя и не думает подозревать в неблагодарности! Ты себя все время нарочно расстраиваешь, — выдумываешь что-нибудь обидное для себя, а потом из-за этого плачешь!.. У тебя, наверно, опять лихорадка? Прими-ка лучше свои капельки, а то эдак, милая, все глазки выплачешь!

Слева входит Смолько, с корзиной, наполненной мхом, птичьим пухом, зелеными камышами и перьями. Он вытягивается во фронт и, балагурия, рвякает.

Смолько. Так что имею честь доложить вашим превосходительствам, что старший боцман сверхурочной службы на брандвахтенном судне “Осторожный” Кондратий Смолько вернулся из отпуска в ваше распоряжение! (*Принимает “вольную” позу и добродушно улыбается.*) Бывайте здоровеньки! Як Бог милует?! И вообще?! “Солнце нызенько, вичор близенько, лэчу до тэбэ, мое сэрденько!” Птичьего молока недостал, а для гнездышка всякой всячины насырал и честь имею представить на ваше благо-

усмотрение! (*Ставит корзину перед Шурой и замечает у нее заплаканные глаза.*) Що такэ, Шурочка? Шо такэ, моя махонькая? Отчего глазки заплаканы? Обидел тебя кто? Нездоровится дуже? Али сон дурной кто наслал, щоб ему было неладно!

Нюра. Никто ее не обижал и никто ей сна дурного не насылал, а она сегодня с утра такая — нервничает, от лекарства отказывается, плачет все время и вконец меня расстроила своими жалобами!.. А всем ее огорчениям — гроши цена, потому что она их из пальца высосала!

Шура (*глота слезы*). Нет, не из пальца!

Нюра. Нет, из пальца!

Шура. А вот и не из пальца!

Нюра. А я тебе говорю, что из пальца!

Смолько (*присаживается на краю "гнезда" Шуры, оправляет его, как постель, и умягчает содержимым своей корзины*). Эх, не добре, не добре! — сестрички в мире должны жить, чтобы радовать Боженьку, а не то конфуз большой получается и не так как бы трэба!.. (*Нащупывает в гнезде куколку ангела, какие продаются на вербных базарах и какими украшаются рождественские елки.*) А это шо такэ? Ангеленочек бидный!.. Ишь куда сховался, родимый! Ну, побачьте на милость, до чего Шура примяла его! Ажно крыльышки поникли у летчика... Ай-ай-ай! Не добре, Шура, дитятко! С ангелятами трэба аккуратно цацкаться! Бо народ деликатный, и ты, миленькая, не смотри, что то куколка, а мысли — то образ Божий!

Нюра (*берет у деда куколку ангела, выправляет ему крыльышки и прихорашивает головку*). Она последнее время все ворочается по ночам и вообще спит беспокойно. Вот и примяла ненароком!

Шура (*вытирает глаза и сморкается*). И совсем не потому! А потому что нельзя из постели гнездо устраивать: выходит ни то ни се; снизу тюфяк жмет, все плоско, нету ямки глубокой, куда бы зарыться, и вообще нет вольности, как на деревьях у птиц!

Нюра (*тревожно*). Что ж ты на дерево вздумала перебираться?.. Слышишь, дедушка, что она затевает? Этого еще не доставало!

Шура (*метательно*). Там видно будет... Во всяком случае — там ближе к Богу, к солнцу, к небу, где может кружить голубок, воркуя мне: "Шурочка, Шурочка, Шурочка"...

Смолько (*с деловитой серьезностью*). Ну, а ежели дождик?

Шура (*пожав плечами*). Пойдет и перестанет!

Смолько (*помолчав*). Гм... оно, пожалуй, и так...

Нюра *смотрит на них во все глаза.*

А то можно... навес с камыша смастерить.

Шура. Еще того лучше!

Смолько. Вроде крыши!

Нюра (*Шуре*). И тебе не будет жалко... расстаться со мной?

Шура (*поджав губы*). Почему "расстаться"? Мы же будем видеться иногда!

Нюра (*с горькой укоризной*). "Иногда"?

Шура (*сдержанно*). Я не хочу быть никому в тягость!

Нюра. Кому же ты в тягость, скажи? Мне?

Шура. Раз тебя беспокоит, что я ворочаюсь по ночам...

Нюра (*раздосадованная*). С тобой прямо нельзя разговаривать — так поворачиваешь слова, что даже обидно становится.

Шура. Глупо обижаться, когда говорят правду!

Нюра. Какую "правду"?

Шура. А вот такую.

Молчание.

Смолько. Ай-ай-ай, як не добре выходит! Сами любят друг дружку, а гуторят промежду собою як в ссоре!.. Прямо конфуз получается, а не так, як бы трэба!

Шура (*после коротенькой паузы, прижимается неожиданно к дедушке, обхватив его шею руками*). Дедушка, миленький! Ты все знаешь! Скажи мне, отчего я такая несчастная!

Смолько. Ты?! Да Бог с тобою, сэрденько! Чем же ты "несчастная"?

Шура. Всем, дедушка, всем! Я такая несчастная, что и подумать о себе не в силах без слез! (*Плачет.*)

Смолько. Ну, так значит оттого ты и несчастная, что не знаешь, какая ты счастливая!

Шура. Я?! Счастливая?! Чем же? Ты смеешься, дедушка!

Смолько. А тем, что в солдаты тебя не возьмут, на войну тебя не погонят, убивать других не прикажут, под пулями спать не заставят!

Шура. Только от этого?

Смолько. А этого тебе мало?

Шура. Нет, но... какое же это утешение?

Смолько. Как какое? Солдатам кости дробить будут пули, печенку разрывать им на части, глаза из-под бровей вырывать, руки-ноги калечить и в обрубки людей превращать, а ты в это время будешь нежиться в своем гнездышке, ручки-ножки у тебя будут целы, глазки тоже, и будешь ты далеко от горя-злосчастия порхать себе Божьей птахой!

Шура *начинает плакать еще жалостней прежнего.* Чего ж ты опять плачешь, моя махонькая? Разве ж, глядя на войну, не счастливая ты, по сравнению с прочими?

Шура (*глота слезы*). Как же я могу быть счастливой, когда у других будут вырывать глазки снарядами? Печенку разрывать на части? И невесть какие ужасы над ними творить?.. Да я умру тогда от жалости, а не то, что буду счастлива!

Нюра (*опускается в припадке нежности на колени перед Шурой и целует ей руки*). Шурочка!.. Сам Бог говорит твоими устами!

Смолько (*почесав себе за воротом и расправив усы, крикает и говорит в смущении*). Гм... да! Пожалуй, что оно и так! Гм... не добре у меня это вышло — конфуз получается! (*Разводит руками.*) Прямо беда, як стало трудно разговаривать с молодежью!

Картина 4

Перед дачей Лутохиных.

Почти у самой рамы, окаймленная кое-где сучьями деревьев, высится деревянная стена дачи с двумя окнами — одно закрыто и занавешено, другое открыто настееж. У последнего сидит, согнувшись, Серафима Кондратьевна в Лутохина и читает Библию, многие страницы которой заложены полосками картона. На коленях Лутохиной черные чулки и штопальные принадлежности.

Вечерет. За окнами, в столовой, почти совсем темно; но снаружи, в саду, еще довольно светло. Временами слышится негромкое чириканье и попискивание птичек.

Поднятия занавеса совпадает с шумом отходящего с вокзала поезда и протяжным свистом локомотива. Через несколько секунд по поднятнн занавеса в комнате появляется Нюра с рукоделием (вышивкой закладки для книги в виде ленты) и присаживается у окна, рядом с матерью.

Нюра (с довольным видом). Уснула!..

Серафима Кондратьевна (облегченно). Слава Богу!.. (Закрывает Библию.) Наконец-то!

Нюра. Ох, боюсь, не жилица она на этом свете!

Серафима Кондратьевна. На каком?

Нюра. Да вот на этом...

Серафима Кондратьевна. А, может, он только снится, “этот” свет! А?! Я уж сбилась, по правде говоря! (Пауза.) Ведь еще неизвестно, где сон, где явь!.. Ибо то, что нам снится порою — правдивей самой правды бывает!.. И вообще это дело спорное, а, пожалуй, и не нашего ума дело!

Нюра. Как так “не нашего”, мамочка?

Серафима Кондратьевна. А так, что все мы умничаем понапрасну — умней Бога хотим стать, а в итоге — ничего кроме греха не получается!

Нюра. Да что ты, мамочка, откуда ж это видно?

Серафима Кондратьевна. А оттуда, что ежели Бог не открыл нам всего, так нечего возвешиваться и плоды срывать дерзновенно с “древа познания добра и зла”!.. Вон порох открыли! А сколько чрез него несчастий! Ты об этом подумала?

Нюра. Что, правда, то правда! (Углубившись в работу.) Прямо жутко подумать, чем грозит война в наше время! Шутка сказать: драться с немцами, которые сорок лет готовились к бойне!

Серафима Кондратьевна (убежденно). Напрасно готовились: не видать им победы!

Нюра. Ты думаешь, мы с Францией их проучим?

Серафима Кондратьевна. Не потому! А... вряд ли воевать придется. По крайней мере, я войны не вижу. И верю, Бог смилуется не только над нами!

Нюра. Ой, ли?!

Серафима Кондратьевна. Смилуется!.. А если покарает, то разве что тяжким сном, от которого не всякому будет дано проснуться!

Нюра (вскинув испуганно глаза на мать, скрывает свой страх в бесечной интонации). “Страшен сон, да милостив Бог”.

Серафима Кондратьевна. “Сон правду скажет, да не всякому”.

Нюра. А кому же?

Серафима Кондратьевна (берет с подоконника Библию и открывает ее на одной из заложённых страниц). А тем, “кто затыкает уши свои, что-

бы не слышать о кровопролитии, и закрывает глаза свои, чтоб не видеть зла, тот и будет обитать на высотах”.

Нюра. Это чье пророчество?

Серафима Кондратьевна. Исайи. (Вздыхает, устремляет взор в какое-то загадочное пространство, мечтательно улыбаясь.)

Нюра (озабоченно). Что ты, мамочка, рассматриваешь там?.. Что тебе привиделось?

Серафима Кондратьевна. Пустяки... Небывальщина сущая... Мало ли что человеку померещиться может!..

Нюра. Ну, а все-таки?.. Или это секрет!

Серафима Кондратьевна. Какой там секрет!.. Я из своих снов секрета не делаю!

Нюра. Ах, так значит — это тебе приснилось? Когда?

Серафима Кондратьевна. И вчера, и сегодня... часто мне это снится за последнее время...

Нюра. Что “это”?

Серафима Кондратьевна. А вот что будто там (показывает перед собой) за вокзалом, — видишь, где училище, — вместо дач и домишек, словно замки понастроены!.. Красивые-прекрасивые, высоченные, с балконами, с башенками стройными... И живут будто в них не вельможи какие, а наш же брат, трудящийся, мастеровой люд!.. И везде-то царит благодать... мир, любовь, благоволение... Все заделались братьями и живут не то в Федерации какой международной, не то в Соединенных Штатах Вселенной... (Тихо смеется и снова принимается за штопку чулок.)

Слышен шум проходящего поезда.

Нюра. Никак это десятичасовой прошел? А?

Серафима Кондратьевна. Ждешь кого?

Нюра. Миша хотел зайти из Военного собрания, — интересно, какие новости!

Серафима Кондратьевна. Не верь “новостям”: изолгался народ, прости Господи!.. А главное — умничают, мудрствуют, забывая, что есть мудрость в глазах Божьих. (Открывает Библию на заложённом месте и читает.) “Если кто среди вас мнит себя мудрым, согласно веку сему, пусть он станет безумным, дабы оказаться мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом”. Так писал апостол Павел Коринфянам.

Нюра (после паузы). Как скоро нынче темнеть стало! Время так летит, что никакому летчику за ним

не угнаться! Август уже на носу!

Серафима Кондратьевна. Насчет летчика... ты со своим не очень прохладжайся сегодня: помни, завтра день рождения Семена Иваныча! Надо пораньше встать и...

Нюра (*перебивает со смехом*). А это что? (*Показывает вышитую книжную закладку*.) Как же мне не помнить о дне рождения папы, когда я ему книжную закладку вышила! И у Шуры такой же подарок!

Серафима Кондратьевна. А то к завтраку гости пожалуют и... одной Дарье не справиться! *Справа раздаются шаги по песчаной дорожке.*

Нюра (*прислушиваясь*). Никак шаги Миши?.. (*Высовывается в окно и смотрит направо*.) Так и есть! (*Машет рукою и кивает головой, повернувшись направо*.)

Серафима Кондратьевна (*встает*). Ну, не буду стеснять в таком случае!.. Не засиживайся только, — слышишь? (*Целует Нюру в щеку, крестит ее и поспешно удаляется*.)

Нюра (*сев на подоконнике, зовет приглушенным голосом, высунувшись наружу*). Идите же! Чего вы замешкались? Все спят, — не бойтесь!

Справа входит Миша, козыряет Нюре, бросается к ее окну и схватывает ее за обе руки.

Ну?.. Какие новости? Здравствуйтесь!

Миша (*целует руки Нюры*). Здравия желаю!.. Изволили читать последние телеграммы?

Нюра. Я не очень-то в них разбираюсь. Да! Не забудьте: завтра день рождения папы и вы приглашены на завтрак вместе с отцом!

Миша. Обязательно придем! Если только война не грянет!

Нюра (*убежденно*). Никакой войны не будет! Скажу вам по секрету, что... Вы мне даете только слово?

Миша. Ну, разумеется!

Нюра (*оглядевшись кругом и понизив голос*). Папа сказал, что все рабочие военных заводов забастуют, как один человек! И что вообще надо ждать полной солидарности наших рабочих с немецким пролетариатом!.. Вы не можете себе представить, как сильна сейчас власть социал-демократов и особенно большевиков! А ведь папа, вы знаете, перешел недавно к большевикам!

Миша (*сдержанно, по-военному*). Мне этого знать не полагается!

Нюра. Я и говорю вам это под строжайшим секретом! (*Схватив его за руку*.) Да если и начнут воевать, — мы все равно вас не пустим на фронт!

Миша. То есть как это не пустите?

Нюра. А вот так! Не пустим и кончен бал!

Миша (*смеясь*). Никак нет, осмелюсь доложить: это невозможно! Я бы и сам хотел, а только это не в ваших силах! (*Целует ее руки*.)

Слышно, как вдали проходит поезд.

Нюра (*после паузы*). А вон и месяц показался... Мы теперь прямо, как Ромео и Джульетта! Вы читали Шекспира?

"Нет повести печальнее на свете,

Чем повесть о Ромео и Джульетте!"

Миша. А чем же наша "повесть" печальна?

Нюра. А угрозу войны вы забыли?

Он хочет что-то ответить, но она прикладывает палец к его губам.

Тс-с... Слышите?..

Где-то недалеко раздается полусонное щебетание птичек.

Тью-тью-тью!.. Это та самая синичка, которую спасла Шурочка... Слышите?.. Слышите?..

Миша озирается кругом с блаженной улыбкой.

Это она благословляет Бога и свою заступницу!.. Слышите?

Миша (*почти задыхаясь от нахлынувших на него чувств*). Боже мой, как прекрасна вселенная!.. Какая неописуемая красота разлита во всем мире!.. Я, конечно, совсем не поэт! Мне не хватает для этого слов! Но когда я вижу такую неимоверную красоту, — мне хочется от всего сердца умереть за вас, Нюрочка!.. Я не шучу! Я, ей-богу, хочу принести вам огромную жертву! Потому что у вас замечательная душа!

Нюра (*слабо улыбаясь, гладит Мишу по голове*). А Шурочке?

Миша. Что Шурочке?

Нюра. Вы ей тоже могли бы принести жертву?

Миша (*слегка опешив*). Вашей сестре?.. Я... я, конечно, готов... Но... у меня к ней совершенно другое отношение...

Нюра. В каком смысле "другое"?.. Вам ее не жалко?

Миша. Разумеется, я ей сочувствую, — она такая несчастенькая... но... что из этого?

Нюра. Как что?.. И вы можете так отзываться о больном человеке?!

Миша. То есть как я, вас не понимаю!

Нюра. ...Так бессердечно?

Миша. Почему "бессердечно"?

Нюра. Потому что... Шурочка в вас влюблена!

Миша. "Влюблена"?! (*Усмехнувшись*.) Вот тебе раз!

Нюра. Да!.. И она не переживет, если... если вы не откликнетесь на ее чувство, то есть если вы разрушите ее грезу!

Миша. Я вас не вполне понимаю... Вы же знаете, что я равнодушен к Шурочке! (*Реагируя на жест досады у Нюры*.) То есть я, конечно, ее жалею — у нее больная душа, — но... это ничего общего не имеет с любовью! Я люблю только вас, одну вас, единственно вас и никого больше!

Нюра (*нежно и вкрадчиво*). Я, поверьте, это очень ценю и, однако... я не могу допустить, чтобы мое счастье с вами отозвалось болью в сердце кого бы то ни было... а тем более — в сердце моей бедной, смешной сестренки! Ей — не справиться с болью!.. Нет, нет! Я ее знаю! Она не выдержит удара, который вы — ее кумир — нанесете ей при моем "благосклонном участии"!

Миша (*мнется*). Я боюсь, что вы... вы преувеличиваете, Нюрочка!

Нюра (*горячо*). Она с детства во мне находила са-

мую верную защиту ото всех бед и превратностей жизни, ото всех ударов по ее болезненному самолюбию! И вдруг я сама окажусь камнем преткновения на пути ее к счастью!

Миша. Да, но... ни вы, ни я — мы несколько не виноваты, что я люблю в а с, а не ее! Не могу же я себя переделать и полюбить на заказ! Разве сердцу прикажешь?!

Нюра. Вас никто и не обвиняет, но... как же мне не считаться с тем, что Шурочка, как вы знаете, безнадежно больна и гаснет, можно сказать, с каждым днем! Вы сами понимаете, что с одним легким долго не протянешь! И дни ее, безусловно, теперь сочтены... Оттого-то мы и не надеемся на нее, исполняем каждое ее желание и малейшие прихоти... Разве хватит сил огорчить умирающего человека?! Да еще такого бесконечно доброго, славного, такого исключительно доверчивого к людям и... *(Голос ее внезапно пресекается, суетливо достает платок, чтобы вытереть слезы.)*

Миша *(очень растроганный)*. Ради Бога, Нюрочка... умоляю вас, дорогая, не расстраивайтесь, пожалуйста! Потому что, во-первых, медицина теперь делает чудеса... Отец говорил мне, что в его практике были случаи, когда...

Нюра *(перебивает, вытирая глаза)*. Нет, нет!.. Не утешайте! Шурочка — обреченная! Да, да — обреченная! И грешно сокращать ее дни, разрушая ее детские грезы о счастье!.. Не только грешно, а прямо преступно!

Миша *(в крайнем смущении)*. Но кто же хочет сокращать ее дни?! Откуда вы это взяли?

Нюра. Да в вы же первый! Правда, без злого умысла, но... от этого не легче!

Миша. Я?! Да что вы, Нюрочка?! Одумайтесь, родная... Разве можно возводить напраслину на ни в чем неповинного человека?!

Нюра *(с горечью)*. Ах, Миша, Миша! Неужели вы такой нечуткий, что для вас не ясно, о чем я собственно говорю, чего я хочу избежать?

Миша *(задетый за живое, слегка всхлипывает)*. Не сердитесь, Нюрочка, но я в первый раз слышу обвинение меня в “нечуткости”!

Нюра. Ну вот! Вы же еще вздумали обижаться!

Миша. Нет, но... Мне как-то больно слышать, что я в чем-то “манкирую” относительно вас, для которой — видит Бог — я готов пожертвовать всю свою жизнь, всем своим счастьем, решительно всем!

Нюра *(после короткой паузы)*. Но если это... правда... если это не “фраза”...

Миша *(прерывая ее с горячностью самозабвения)*. Клянусь вам честным словом офицера! Неужели вы можете сомневаться, что я...

Нюра *(перебивая)*. Нет, нет! Но *(наигранно “лукавит” с печальной улыбкой)*... вы думаете, я не способна принять от вас жертву? Ошибаетесь! Я способна потребовать тяжелую жертву, но принять ее... дело другое! Конечно, если она от чистого сердца!

Миша. Ну, ясное дело!.. Пожалуйста, — прика-

зывайте! Я вас слушаю!

Нюра. Отлично. Только помните, — вы сами меня вызвали на это!

Миша. Я вас слушаю.

Нюра *(не давая ему опомниться)*. Женитесь на Шурочке!

Миша *(растерянно)*. Что?!

Нюра. Я говорю: женитесь на Шурочке! Она слабая... она скоро умрет... Скрасьте последние денечки этого несчастного существа! Дайте сбыться ее заветной мечте!

Миша *(не веря своим ушам)*. Женитесь на Шурочке?!

Нюра *(горячо)*. Ее дни сочтены! А что слаще на свете, чем исполнить последнюю волю обреченного человека? *(Пауза)*. Ну, что же вы молчите?!

Миша *(словно во сне)*. Но ведь это же... Это же дико, что вы требуете от меня!

Нюра. Я не требую, а прошу!.. Я сама приношу огромную жертву, уступая вас Шурочке! Неужели вам это непонятно?! Но я знаю, — за это судьба вознаградит нас сторицей! А без этого — не видать нам счастья, основанного на несчастье другого!

Миша *(приходя в себя)*. Вы, стало быть, не любите меня? Нет? Не любите вовсе, раз готовы уступить меня кому бы то ни было?! Вы, очевидно, не верите в наше счастье вдвоем?! Оно вам не дорого?! Нет?! Отвечайте!

Нюра *(подносит палец к губам, оборачиваясь назад)*. Тс-с... наши уж спят! Успокойтесь, прошу вас, и поймите: я не могу заглушить в себе голоса жалости, когда думаю о бедной Шурочке, которая...

Миша *(перебивая)*. А жалость ко мне? Где жалость ко мне? Ее нет в вашем сердце?! Где она?!

Нюра. Миша, поверьте мне...

Миша *(почти вне себя от горя)*. Не могу я вам больше верить теперь! Не могу я верить той, кто жертвует своим счастьем ради какого-то сумасбродного желания! Да — сумасбродного! Недаром отец предостерегал меня от тяжелой наследственности, которая наблюдается в вашей семье! Я не верил ему, думал: вздор...

Нюра *(испуганно)*. Какая наследственность? О чем вы говорите?

Миша *(почти злобно от отчаяния)*. Я не доктор, как он, чтоб объяснять вам подробно! И вообще мне ни к чему препираться по вопросам, которые вне моей компетенции! Скажу только, что никогда не поверю, будто эта ваша любовь заставляет меня жениться на нелюбимой особе. Я вижу в этом не любовь, а жестокое издевательство! Да! Издевательство, на какое способны одни лишь сумасшедшие и психопатки! Для нормального человека, — а я, простите, еще не спятил, — это просто бред, что вы мне предлагаете! И я не хочу подвергать глумлению свое чувство любви к вам! Оно слишком мне дорого! Оно священо для меня! И это не “фраза”! Я скорее умру, чем дам надругаться над тем, что для меня священо! *(Его душат слезы, которые он удерживает из последних сил.)* И вообще... нам не о чем разговаривать, раз вы так отно-

ситесь к человеку, который души в вас не чаял и готов был... Ну, да что говорить! Прощайте! (Быстро уходит направо.)

Нюра смотрит ему вслед широко раскрытыми глазами и, услышав, как замирают шаги, тяжело опускает голову на руки. Секунда, и ее плечи сотрясают беззвучные рыдания.

Издали доносится протяжный свист паровоза и грохот проезжающего поезда. Нюра через силу

встает с подоконника, закрывает наглухо окно и, пошатываясь, скрывается в темноте комнаты. Справа, спешной походкой, почти бегом, возвращается Миша. Он бросается к одному окну, к другому, всматривается в их стекла, барабанит в них пальцами, бормочет "Нюра, Нюорочка", но грохот отходящего от станции поезда заглушает его слабый зов. Он секунды три-четыре стоит в нерешительности, потом печально вздыхает и, понуря голову, уходит.

Картина 5

В столовой Лутахиных, незадолго до завтрака (декорация картины 1). На стенном календаре 1914 значится красными цифрами 27 июля, а под этим числом черными цифрами 14 июля.

При поднятии занавеса слышен громкий дружный хохот, — им раздражается компания, появляющаяся слева, из переплетной мастерской, состоящая из фельдшера Потапова, курсистки Пончик, студента Воскресенского, Семена Ивановича Лутахина и его сподручного Леонтия.

Дарья, только что накрывшая чистой скатертью обеденный стол (раздвинутый до предельной длины), расправляет на ней складки и уходит через дверь налево, что на заднем плане.

Хохот веселой компании был явно вызван Потаповым, который, по сравнению с другими, кажется прислонившимся на правах "души общества".

Пончик (подавляя смех, отмахивается от Потапова). Ну и ляпнет тоже, черт возьми! Вот уж у кого язык без костей!.. У вас, товарищ Потапов, одни только похабности на уме!

Потапов (чувствуя себя поощренным). Да помилуйте, Ксения Львовна, чем же я виноват, что Распутин так выражается?! Я повторяю лишь слова "святого старца"! А их он произносит не только на конюшне царя, а и в салоне императрицы, которая, говорят, просто умиляется, слыша, как тот объясняет ей интимные вещи "собственными словами".

Некоторые из компании к этому времени присаживаются, отодвинув стулья далеко от стола, другие стоят, прислонившись к стене, или прохаживаются по авансцене.

Студент (протирая пенсне и глаза, заслезившиеся от смеха). Черт знает, в какую мы живем эпоху! За человека стыдно становится!

Потапов (осклябясь плотоядно). Говорят, фрейлины императрицы не только ему руки лобызают, но и ноги моют!

Леонтий (тоном знатока). Ну, это ради придворной карьеры!..

Студент сплевывает от переизбытка презрения; Пончик, завидев Дарью со стопкой тарелок в руках, предостерегающе кашляет.

Лутахин (выждав, пока Дарья уходит, обращается к Пончик). Да! Чтоб не забыть: когда ж освободят меня от этой брошюры, что вы завезли давеча?

Пончик. "Рабочий класс перед угрозой войны"?

Лутахин. Вот именно! Мы с Леонтием целую ночь ее сшивали! А теперь о ней словно забыли!

Пончик (как бы огрызается). Я исполняю лишь распоряжения Центра. Вот когда я буду членом Центрального Комитета, — тогда и спрашивайте с меня!

Серафима Кондратьевна (гостям, проходя в переплетную). Кажется, со всеми здоровалась?

Пончик (протягивая ей руку). Здравствуйтесь, Серафима Кондратьевна!.. Все по хозяйству? В хлопотах?..

Рукопожатие.

Серафима Кондратьевна (криво улыбаясь). Так уж на веку написано, дорогая, чтобы одним делом занимались, а другие — чужими!
Потапов (смеясь). Разделение труда в некотором роде?

Пончик (слегка заносчиво). А вам это не нравится?

Серафима Кондратьевна. Что вы! Что вы! Я не жалуюсь! (Дарья.) Помогите-ка мне столик притащить сюда! (Уходит в переплетную, Дарья за нею.)

Пончик (Лутахину и другим). Вот мы кричим "долой войну"!.. А между тем вспомните войну Наполеона Третьего, приведшую к Парижской коммуне! Вспомните о нашей Севастопольской кампании, приведшей к освобождению крестьян! Вспомните, наконец, русско-японскую войну, после которой у царя была вырвана Конституция! Это чего-нибудь да стоит!

Серафима Кондратьевна (внося с Дарьей столик из переплетной и устанавливая его налево, под книжными полками). Конечно! Стоит многих тысяч человеческих жизней, не говоря уже о полном разорении казны!

Накрывает большой салфеткой "закусочный столик" и, в продолжение дальнейшего диалога, ставит на него водку, Рябиновку, Английскую Горькую и недорогие закуски, которые достает из буфета. Дарья ей помогает, а потом, вдруг спохватившись, убегает на кухню.

Пончик (слегка вызываяюще). "Чтоб состряпать яичницу, надо сперва разбить яйца" — гласит поговорка!.. Вам, как хозяйке, это должно быть известно лучше меня!

Серафима Кондратьевна. Конечно! Только уверяю вас, что курицам такая поговорка никогда

не пришла бы в голову!

Пончик. Вполне возможно! Но... чего и ждать от куриных мозгов.

Сдержанный смех среди слушателей.

Лутохин. Бросьте, друзья, пикировку! “Политика булавочных уколов” — удел буржуев. Нам она не к лицу.

Дарья возвращается со стаканами, рюмками, горчицей, перцем, уксусом и прочими “специями”, которые она торопливо расставляет на большом столе.

Серафима Кондратьевна (Дарья). А где же Нюра — обещала помочь нам, а сама мешкает!

Дарья. Нюрочка волосы перечесявает Шуручке — Шуручке прическа, вишь, чем-то не понравилась! С ленточкой хотят!

Слева, из глубины, слышится маршеобразный топот ног и залихватское сиповатое пение деда Смолько: “И шумэ, и гудэ, дробин дождик идэ! А кто ж мэз молоденьку тай ж до дому доведэ?”

Да вот и они сами!

Входит принаряженный дед Смолько, посадив Шуру себе на плечо; около них пританцовывает Нюра, поддерживая Шуру за руку; обе девушки в белых платьях, с розовой отделкой. У Шуры на голове розовая лента.

Серафима Кондратьевна (весело ахая, при входе этой троицы). Этого еще не хватало! Что за выдумки такие?! Чтобы хворая на хвором скакала! Да ты рехнулся, батька! Шура, сейчас же слезай с дедушки!

Шура, при общем смехе и поощрительных аплодисментах, спускается на пол и здоровается, вслед за Нюрой, с гостями.

Смолько (Серафиме Кондратьевне, под утихающий гомон гостей). Так она ж, як перышко! Прямо птаха небесная! (Хорохорясь шужливо и повышая голос.) И ты не бачь, сэрденько, что мне под восемьдесят, — я ще, коли трэба, утак австрияку шею нагну, что запросит пاردону! (Засучивает рукава как биец-збійка и поплевывает на ладони, чтобы рассмешить общество.)

Серафима Кондратьевна (отмахивается от него шужливо). Ладно уж! “Аника-воин”!

Лутохин. “Запорожец за Дунаем”!

Серафима Кондратьевна (кланяясь развеселившимся гостям). Может быть, закусите, чем Бог послал, дорогие гости? А?

Потапов (крякая). Можно-с! Мы не гордые!

Серафима Кондратьевна. Милости просим по рюмочке! Заморить червячка!

Лутохин (робко). А не подождать ли, пока доктор Дробницкий пожалует с сыном? Как бы не вышло обиды...

Серафима Кондратьевна. Семеро одного не ждут!

Леонтий. Верно! Люблю русские поговорки!

Смолько (весело). И украинские не плохи! Усе равно, чи водка, чи горилка, — одна другой краше и требуют час блюсти! (Смотрит на часы.)

Леонтий. Святая истина! А потому разрешите

налить вам, чтобы не опоздать.

Потчует, смеясь, “деда” водкой. Лутохин наливает Потапову и Студенту, говоря: “Пример заразителен”. Отдельные голоса тонут в общем говоре. Серафима Кондратьевна достает из буфета графинчик “Кагору”, угощает курсистку и — в половинном размере — Нюру и Шуру. Студент подходит чокнуться к Нюре и говорит ей какие-то комплименты к явному неудовольствию Пончик. Дед Смолько, сразу же захмелев, показывает Потапову и Леонтию татуировку на своей груди и хвастается брелоками, висящими у него на часовой цепочке. Леонтий набрасывается на шпроты и ест, и пьет за двоих. Серафима Кондратьевна и Лутохин потешают, как умеют, Шуру, целуют ее и подкармливают, превеличненно восторгаясь розовой лентой на ее кудряшках. Дарья приносит и уносит закулочные тарелки, меняет вилки и ножи, суетится и поминутно извиняется, проталкиваясь между гостями. Некоторое время царит общий говор, смех, звон посуды и шарканье ног.

Студент (перекрикивая других). Хочу чокнуться с виновником торжества! (Подходит к Лутохину и чокается с ним и со всем его семейством.)

Леонтий (хмельным голосом). Да здравствует Семен Иваныч и долой войну! (Чокается со всеми.)

Потапов. Пррравильно! (Лутохину.) Поздравляю с днем рождения!

Студент (постучав ножом по тарелке). Известны ли вам, дорогие товарищи, данные современной статистики? Сколько тратится на вооружение всеми государствами вместе? Я говорю о мирном времени!

Потапов (икнув). Ну, сколько же?

Студент. Полмиллиарда рублей в день!..

Потапов. Здорово!

Студент (в азарте). Вы только подумайте, что на эти деньги можно сделать, и какие перспективы открываются перед человечеством, если оно будет ежедневно — слышите? — ежедневно — экономить около полмиллиарда рублей на свои нужды! — на нужды созидания, а не разрушения!

Шура (хлопая в ладоши). Все богачами станут!

Потапов. И очень просто! Некуда денег будет девать!

Шура (бросаясь на шею Лутохину). И папочка мой будет богатый!

Потапов. Непременно! Я сам буду богатый, черт побери! И тогда за меня сама Ксения Львовна пойдет замуж! Верно? (Чокается с Пончик, под общий смех.)

Шура (бросаясь на шею деда). И дедушка будет богатый!

Смолько (ворчит, ухмыляясь). Куда мне богатство? Я уж помирать собираюсь!

Потапов (ему). Атгандэ-с! — на полмиллиарда в день такие санатории понастроят и такие “эликсиры жизни” нафабрикуют, что больные до двухсот лет будут жить припеваючи!

Общий смех.

Серафима Кондратьевна (посмеиваясь). Нашей Гатчины тогда и не узнать наверно — такое

насоорудят, что только держись!

Потапов. Да уж будьте благонадежны! Полмиллиарда экономии, это вам не кот наплакал! (*Показывая на окна.*) Такой у вас тут “Нью-Йорк” перед окнами обнаружится, что лучшего “бель-вю” в целом мире не сыщите... Станете здесь чашек себе распивать на террасе, а вокруг небоскребочки будут выглядывать средь сирени и райские птички шепетать на веточках!

Все смеются.

Шура (матери). Мама! Правду он говорит?

Серафима Кондратьевна. Ну, конечно, правду, раз ему так кажется! (*Целует Шуру.*) Я-то, может, и не доживу до этого, а вот Нюра воочию убедится!.. (*Спохватываясь.*) И Шурочка тоже! И Шурочка доживет до этого!

Осыпает Шуру поцелуями и плачет. Все замирают на своих местах, среди неловкого молчания.

Лутухин (Потапову, как бы извиняясь за жену). У нее двух братьев на войне убили!.. Когда с японцами воевали!

Смолько (крестьян). Царство Небесное Ване и Сереже!

Серафима Кондратьевна (вытирает глаза и сконфуженно улыбается). Ах ты, Господи, нервы за последние дни до того истрепались, что сил нет! *Издали доносится полковая музыка проезжающей вскоре мимо дома конницы и цоканье лошадиных подков.*

Нюра (вскрикивает). Кирасиры! Кирасиры!..

Бежит к окнам, отворяет одно из них, высовывается, смотрит налево и быстро туда убегает. Вслед за нею, почти немедленно, убегает Шура, повторяя, как ребенок: “Кирасиры! Кирасиры!”

Смолько (Лутухину). Трэба побачить, чи они уж в походной амуниции, але еще в ординарной! (*Уходит вместе с Лутухиным и Леонтием.*)

Серафима Кондратьевна (поспешая за ними). Господи! Сейчас завтрак! Опомнитесь: что вы солдат не видали? Слушайте!.. (*Уходит.*)

За нею собираются уйти и Потапов со Студентом, но Пончик их удерживает и, взяв одного за руку, а другого под руку, отводит к рампе.

Пончик. Ну, братцы, такую я узнала вчера новость в Центре, что вы прямо ахнете!

Потапов и Студент (вместе). От кого?

Пончик. Тс-с... (*Понизив голос.*) От Малиновского.

Потапов. Который в думской фракции? Что ж он говорит?

Студент. Будьте осторожней! Слухи ходят, что он провокатор!

Пончик. Кто? Малиновский? Чепуха!.. (*Тоном заговорщицы.*) Говорит, — полная перемена тактики в отношении войны!

Леонтий возвращается и закусьивает. Сквозь звуки полковой музыки, вскоре замирающей, как и цоканье подков проезжающей конницы, доносится повторный электрический звонок.

По последним сведениям, за военные кредиты будут голосовать и такие “господа”, как Шейдеман в

Германии, Эрвэ и Самба во Франции и уж, конечно, Вандервельдэ в Бельгии!

Леонтий (вставляя). Я вам говорил! Разве можно социал-демократам верить на слово?

Пончик. О нашем милейшем Плеханове и говорить не приходится: он заодно с Эрвэ и Самба!

Потапов. Черт знает, что такое!

Пончик. Чертыкаться поздно! Война неминуча!.. А коли так, важно не дать увлечь себя в болото социал-шовинизма и помнить опыт Парижской Коммуны, когда империалистическая война Наполеона Третьего была превращена в войну гражданскую!

Студент (опешив). Да неужели же мы будем голосовать за войну?!

Пончик. Малиновский не видит другого выхода! К тому же разве партия не вправе изменять свою тактику в зависимости от обстоятельств?.. И разве не ясно теперь, что только война способна так ослабить наше правительство, что оно будет бессильно бороться с надвигающейся революцией?!

Вновь раздается настойчивый звонок, на который слева выбегает Дарья, направляясь в переднюю.

Студент (покачивая головой). И обрадуется ж этим новостям Семен Иванович! Хорошенький подарок ко дню его рождения!..

Справа слышится хлопанье двери и мужские голоса.

Пончик (приняв беспечный вид, выбирает закуску на маленьком столике). Успеете его информировать! Чего даром расстраивать человека!..

Справа, из передней, входят доктор Дробницкий и его сын Миша — оба принаряженные, при оружии и с фуражками в руках.

Потапов (клянется вошедшим, разводя руками). Борис Борисович?! Здравствуйте-с! Вот с кем судьба привела здесь встретиться!.. И Михаил Борисович?! Добро пожаловать! А уж мы вас ждали-ждали! *Общие рукопожатия. Дарья убегает налево.*

Доктор (здороваясь с Пончиком). И вы тут?

Пончик (кокетливо). А почему бы мне и не быть тут?

Студент (знакомясь с Доктором). Воскресенский. (*Мише.*) С вами мы уже встречались!

Пончик. Что слышно нового, доктор? Скоро в поход?

Доктор. Откуда вы взяли? Если б государь решил воевать, он бы вернул из-за границы свою августейшую мать!

Студент. Разве Мария Федоровна за границей?

Пончик (наигранно). Так что вы думаете, еще есть надежда?

Доктор. Уверен даже!

Потапов (потчя водкой Доктора и Мишу). По рюмочке!

Миша. Мерси!.. А где же хозяева?

Леонтий (здороваясь с Доктором и его сыном). Честь имею кланяться!

Доктор. Рад познакомиться! (*Потапову, качая отечески головой.*) Ого! И это при нашем-то недуге?!

Леонтий (заметно охмелевший). А при печени

можно?

Доктор. Что значит “при печени”? У каждого есть печень! Вопрос лишь, в каком она состоянии! *(Вывивает. Завидев деда Смолько, появившегося налево в дверях.)* А-а! “Дедушка русского флота”! **Миша** *(пожимает руку Смолько).* Здравствуйте, Кондратий Петрович! Как внуки поживают?

Смолько *(шутливо).* А шо им делается? Вчера в куклы играли, а сегодня романсами интересуются! “Спрятался месяц за тучку” и тому подобное!

Леонтий *(подходя к Мише с полной рюмкой).* Если на войну призвуют, — разрешите поступить к вам механиком! Потому как, во-первых, интересуюсь аэропланами, а во-вторых, служил раньше во флоте механиком.

Миша *(улыбаясь).* Буду рад содействовать!

Слева, из глубины влетают Шура и Нюра.

Нюра *(радостно смущенная, плохо владеет собой).* Миша?! Вы здесь? А я думала... Господи! Мы там по хозяйству возимся. Что вы так поздно?

Шура *(Нюре, весело).* А ты говорила, что Миша не придет! Откуда ты это взяла?

Доктор и Миша здороваются с барышнями и по-здравляют с семейным праздником.

Лутохин *(входя, из глубины, слева).* Просим за стол! Сейчас подаю! *(Увидев Доктора и Мишу.)* Здравствуйте, господа! Добро пожаловать! А уж мы отчаялись, что придете! *(Пожимая им руки.)* Очень, очень рад! *(Угощая.)* Разрешите по рюмочке перед кулебякой?

Доктор. Благодарю, но... во-первых, не пью, во-вторых, уже выпил *(общий смех)*, а в-третьих, мы с Мишей принесли два флакона “шпички”, чтоб раскупорить в вашу честь... *(Сыну.)* Где же, друг мой, наше приношение? Тащи сюда скорей! *Миша уходит в переднюю.*

Лутохин *(сконфуженно).* Зачем вы беспокоились?... Мне, право, совестно!

Леонтий *(вмешиваясь).* Разрешите расчлнить вопрос таким образом, чтобы сперва заняться “английской горькой”, а уж потом...

Доктор *(договаривая).* ...вашей печени?

Смех. Во время предшествующей реплики Леонтия входят, почти одновременно, слева Серафима Кондратьевна, сопровождаемая Дарьей, подающей на стол дымящуюся кулебяку, а справа Миша, с двумя бутылками шампанского. Доктор, а за ним Миша, расширяются перед хозяйкой дома; Миша целует ей руку, она его — в лоб.

Простите, что так задержались... никак не мог закончить раньше приема!

Серафима Кондратьевна *(ласково).* “Лучше поздно, чем никогда”! Милости просим за стол! *(Всем.)* Господа! Не заставляйте себя просить, ради Бога! И без чинов, пожалуйста, — кому, где нравится, там и садитесь!

Все усаживаются среди общего гомона за стол в следующем порядке: ближе к окнам и лицом к публике — посередине дед Смолько, по правую руку — Серафима Кондратьевна, справа, Шура, около Лутохина, слева, Нюра; спиной к публике и лицом к окнам

усаживаются, считая слева направо: Пончик, Потапов, Леонтий и Студент; во главе стола, налево, усаживают Доктора: во главе стола, направо, Мишу, который тут же, не теряя времени, откупоривает с шумом шампанское и, пока Серафима Кондратьевна при помощи Дарьи раскладывает всем на тарелки кулебяку, обходит стол и, под веселые возгласы слегка уже подвыпившей компании, наполняет бокалы пенящейся влагой.

Пончик. Ну, ежели шампанское, так уж требуется тост! Правильное замечание?

Потапов. Правильное! А потому поднимаю бокал за здоровье Семена Иваныча и желаю ему благоденствия на многие лета!

Все поднимаются и чокаются с Лутохиным, говоря: “Многие лета!”, “ваше здоровье!”, “давай Бог!”, “разрешите облобызать” и т. п.

Студент *(стучит ножом по тарелке).* Речь!.. Речь!.. Просим Семена Иваныча сказать несколько слов о переживаемом моменте!

Лутохин *(встает).* Я, господа, не оратор! Я... переплетчик и... если вам так хочется, то могу сказать несколько слов только в качестве переплетчика. Правда, я когда-то хотел быть оратором, хотел быть адвокатом и защищать разных жертв полицейского произвола, но... сам, как вы знаете, попал в число таких жертв и вместе с ними... в Сибирь. А там пришлось изучать уже не искусство оратора, ибо говорить было не перед кем, а какое-нибудь ремесло, чтобы прокормиться. Я избрал переплетное и... не жалею, так как оно дало мне случай прочитать уйму книг, а среди них такие, какие дают полную надежду, что война станет скоро совершенно немислимой.

Пончик *(скептически).* Как так “немислимой”?

Шура *(слегка взволнованная).* А какие ж это книги, папочка?

Лутохин. Во-первых, книжка Оствальда, где требуется, чтоб из учебников физики изъяли слово “материя” и заменили его словом “энергия”, так как материя эта та же энергия, но только в конденсированном состоянии.

Потапов *(с набитым ртом).* Но что ж из этого следует?

Лутохин. А то, что если ее вывести из этого состояния, то одной крупницы ее будет достаточно, чтоб на сотнях фабрик и заводов она заменила собою паровые двигатели.

Доктор. Я понимаю — вы имсете в виду новое учение об атомах и возможность их расщепления? **Лутохин.** Совершенно верно. Потому что еще в тысяча девятьсот одиннадцатом году Резерфорд...

Потапов *(перебивая).* Ну, а какое же это имеет отношение к войне?

Леонтий *(иронически разясняя).* Военных заводов можно будет больше настроить.

Лутохин. Не в том дело! А в том, что, освобождая энергию из атомов, можно будет обрести такую взрывчатую силу, которая станет угрозой самому существованию нашей планеты!

Потапов *(с усмешечкой).* Ну, уж и “планеты”!

Какие ж тому доказательства?

Лутохин. Все дело лишь в том, чтоб научиться освобождать энергию из атомов. А вы знаете, что сказал знаменитый Ренан, предвидя прогресс науки?

Потапов (чокаясь с Пончик). Будьте здоровы! (Пьет.) Что ж он сказал, ваш Ренан?

Лутохин. А то, что если будет доказано, что ученым ничего не стоит взорвать нашу грешную землю, где мы истребляем друг друга как дикие звери, то под этой угрозой они заберут власть над вселенной и прекратят в ней войны и междоусобицы!

Пончик (иронически). Вашими бы устами да мед пить!

Доктор (чокаясь с Лутохиным). Превосходная речь! Благородная и как нельзя более кстати!

Шура (восторженно). Палочка, неужели это возможно?! Такое счастье?! (Хлопает в ладоши и блаженно смеется.)

Потапов (направляясь к Лутохину). И он еще говорит, что не оратор! Да ведь вы кокет после этого, Семен Иванович! Прямо кокет, напрашивающийся на комплименты! Давайте я вас поцелую по этому случаю!

Троекратно лобызает Лутохина, под общий говор, смех, одобрения и отдельные аплодисменты.

Миша (встает и стучит по тарелке, приглашая всех к тишине). Разрешите и мне, господа, сказать несколько слов! Но только совершенно личного характера! И, должен предупредить — не экспромт, а... нечто заранее взвешенное и обдуманное!

Голос. Просим! Просим! Мы вас слушаем!

Миша (подняв бокал). Господа! Я хочу выпить за здоровье моей дорогой невесты!..

Все в один миг настораживаются.

За здоровье моей ненаглядной Шуручки!

Доктор и семейство Лутохиных (почти хором). Н ю р о ч к и, вы хотите сказать?

Миша. Нет, именно Ш у р о ч к и!.. Шуручки, которую я сразу полюбил, как только с ней познакомился, но... скрывал, так как боялся отказа: она

такая гордая и такая фантазерка... ее не сразу поймешь, и потому я боялся...

Шура (встает совершенно пунцовая). Подождите!.. (Пауза.) Этого же не может быть!.. Не может быть!

Серафима Кондратьевна. Чего “не может быть”?

Шура (прерывисто дыша). Не может быть, чтобы все сбылось, как во сне... совсем как во сне!

Серафима Кондратьевна (прижимая к сердцу Шуру). Но ты-то его любишь? А? Хочешь замуж за Мишу?

Шура (растерянно, слегка дрожа, робко мямлит упавшим голосом). Я... я боюсь, что это сон!.. (Пауза. Громко, с широко раскрытыми глазами.) Это не сон?..

Обводит взором всех присутствующих и вдруг, опустившись на стул, заливается слезами. Гости, после паузы крайнего недоумения, начинают выходить из сковавшего их оцепенения; некоторые умиленно смеются, не отрывая глаз от Шуры.

Лутохин (подойдя к ней сзади и глядя ее волосы). Ах ты моя глупенькая! Ну, чего ты, детка, расплакалась?

Миша. Это вовсе не сон, Шуручка! Смеею вас уверить! Потому что я с самыми честными намерениями и, повторяю, заранее взвесил все и обдумал... Я вообще не привык шутить в таких важных вопросах и никогда бы себе этого не позволил! Для меня сватовство и женитьба вовсе не “сон”, простите, а самая настоящая действительность!

Смолько (торопясь на выручку Мише, крикает молодцевато и хлопает рукой по столу). Ну, да чего там много разговаривать! “Горько!” — и кончен бал! Целуйтесь поскорее, чтоб подсластить винцо! А то, право слово, — “горько” и даже трэба, шобы сладко было!

Все (кричат почти истерически громко, давая исход своим чувствам, подогретым вином и замороженным было неожиданностью). Горько! Горько! Горько!

Миша и Шура целуются; все тянутся к ним с поднятыми бокалами.

Действие III

Картина 6

В спальне Лутохиной и ее дочек (декорация картины 3 действия II).

Поздно вечером.

Из ула справа, у самой рамы, исходит мягкий “лампадный”, мерцающий по временам, свет; он придает всей спальне несколько необычный вид, чему как нельзя более способствует почти “свитое” уже “гнездо” на тахте, стоящей в центральном углу комнаты, под пасхальным яйцом.

Серафима Кондратьевна, встав на табурет, поправляет лампадку. Потом, сойдя на пол и встав на колени, молится Богу, обратив лицо к освещенному углу комнаты.

Слева, за сценой, слышны торопливые шаги и окрик Лутохина: “Сима! Да где же ты?..” Он входит в спальню неуверенной походкой. У него усталый, измученный вид. На плечах летнее пальто внакидку. В руках — соломенная шляпа. Он вытирает пот со лба и прерывисто дышит.

Лутохин. А я тебя на кухне ищу!

Серафима Кондратьевна. Ты прямо с вокзала?.. Ну что говорят в Петербурге?

Лутохин (садится в изнеможении на постель).

Всеобщая мобилизация!..

Серафима Кондратьевна. Что это значит?

Лутохин. Война.

Серафима Кондратьевна (полумашинально).

Что за вздор! Кто тебе сказал?

Лутохин. Какой там “вздор”! Было заседание Совета Министров... Председательствовал Горемыкин... обсуждали бюджет. Как вдруг влетает генерал Янушкевич и прямо бежит к председательскому месту. Горемыкин кричит ему: “Генерал! Здесь идет заседание Совета Министров!..” Но Янушкевич — ноль внимания и как заорет истошным голосом: “Царь повелел объявить всеобщую мобилизацию!”

Серафима Кондратьевна (*крестится*). Сумасшедшие!

Лутохин. Где наши девочки?

Серафима Кондратьевна (*нервничая*). Сейчас вернутся. Только ты, пожалуйста, их не расстраивай! Ушли проводить Мишу. Он такой несчастный; все их успокаивает... Ну и что же дальше? Дальше что рассказывают?

Лутохин. Ну, министры, сказывают, повскакали тут, загудели разом, кто-то затянул “Боже, царя храни”, другие “Коль славен”, словом, начались такие верноподданнические излияния, каких свет не видал.

Серафима Кондратьевна. Ну, а наши? Наши что? Партийные товарищи?

Лутохин. А Бог их знает! Не добиться толку! В думской фракции колеблются, потому что Малиновский убеждает голосовать за военные кредиты...

Серафима Кондратьевна (*вне себя*). Чтоб социалисты потакали войне?! Где ж это слыхано?!

Лутохин (*с усмешкой*). Эдак будто легче взбунтовать народ против правительства. Коли, значит, война, — значит, будут лишения, а коли лишения, — больше шансов для революции. Так и на Штутгартской, и на Базельской конференции тысяча девятьсот двенадцатого года решено.

Серафима Кондратьевна. Как же так? Народ уверен, что это царская власть обрекает его на смертоубийство! А выходит, что свои же товарищи!

Лутохин (*поникнув головой*). Видно, все против нас: и вражеские государства, и собственное правительство, и торговцы пушками, и духовенство, даже свои же товарищи — и те против мира и за войну! Мы одни теперь одинешеньки, в полном бессилии перед угрозой войны!

Серафима Кондратьевна. А Бог?.. Забыл слова Его: “Мне отмщение и Аз воздам”?

Лутохин (*с горькой усмешкой*). Завидую я тебе... *Слышно хлопанье двери.*

Серафима Кондратьевна (*перебивая*). Чш... Кажется, девочки вернулись.

Лутохин. Ну, спокойной ночи! (*Целует жену и уходит.*)

Серафима Кондратьевна *оправляет постели. Издали доносится протяжный свист паровоза и шум проходящего поезда. Входят Нюра и Шура.*

Серафима Кондратьевна. Наконец-то!.. Спать пора, а вы полуночищаете!

Нюра. Да коли спать не хочется!

Шура. Уснешь тут, когда такое настроение!..

Серафима Кондратьевна. Какое такое “настроение”? Ложитесь поскорее, а то опять не выспитесь, как вчерась!.. (*Уходит.*)

Нюра и Шура начинают нехотя раздеваться и укладываются потом спать.

Шура (*после паузы*). У Миши такой вид, словно его приговорили к смерти!.. Скажи откровенно, тебе его жаль?

Нюра. Ну, конечно, жаль.

Шура. А почему ты все время шутила?

Нюра (*улыбаясь*). Чтоб разрядить атмосферу.

Шура (*надув губки*). Вышло очень неестественно. И он мог обидеться.

Нюра (*улыбаясь*). Ну, прости меня в таком случае!

Шура. За что? Я не сержусь.

Нюра. ...За неуместные шутки. (*Ложится.*)

Снова доносится заунывный свист паровоза и грохот проходящего поезда.

Шура (*укладываясь спать, в своем гнезде*). Все поезда, поезда!.. Никогда их столько не было!.. Прямо не счастье!

Нюра. Это все воинские, наверное!

Шура. С мобилизованными?

Нюра не отвечает.

Неужели — война?! Дарья говорила, будто к булочнику брат приехал из Питера и там уже никто не сомневается, что всеобщая мобилизация будет объявлена.

Нюра. “Утро вечера мудренее”!.. Спи, Шуручка! Утром все узнаем!

Шура. От кого?

Нюра. Из газет, конечно!

Шура (*после паузы*). Что ж это будет такое? Ведь Мишу тогда сейчас же на фронт?! Он летчик!

Нюра. У тебя стало привычкой — выдумывать всякие ужасы! Неужели тебе так нравится поминутно пугать себя? А?

Шура. Я себя вовсе не пугаю... Я только соображаю.

Среди шума маневрирующего паровоза смутно выделяется гул пропеллера.

Аэроплан!.. Слышишь?

Нюра. Это грузовик...

Шура (*таинственно*). Нет, это он, он!.. Снова кружит надо мною, парит, мечется, словно вспугнутый голубок над пожарищем!.. Ты слышишь этот гул?.. Я отличу его из сотен.

Нюра (*успокоительно*). Ну чего ему ночью летать! У тебя галлюцинация...

Шура (*прислушиваясь*). И что он там воркует наверху? Неразборчиво так! “Шура” или “Нюра”? А?.. “Шура” или “Нюра”?

Нюра. Я ничего не слышу, кроме свистков... И, правда, — эти паровозы заснуть не дадут! Свистят словно нарочно, в насмешку... чтоб надругаться над лучшими чувствами! Будто кого-то освистывают! Заранее освистывают виновника возможной драмы!

Шура. “Драмы”?.. А при чем тут театр?

Нюра. А при том, что готовится скверное пред-

ставление, которое может очень дорого обойтись его устроителям! И надо молить Бога, чтоб оно не состоялось!

Шура (*наивно*). А на каком же театре оно готовится?

Нюра (*с усмешкой*). На "театре военных действий".

Шура (*помолчав*). А кому нужен такой театр?

Нюра. Не знаю — тем, кто на нем наживается, верно!

Шура. Господи, неужели нельзя добиться, чтобы запретили такие "театры"?! Чего смотрит драматическая цензура?

Нюра. Как подумаешь, что сплошь и рядом ничтожное, казалось бы, существо, — вроде меня, например, — находит силы отказаться, ради ближнего, от самого дорогого на свете, а культурные государства, кичащиеся своей гуманностью и богатством, только и думают, что о кровавой наживе за счет других государств!

Шура (*подумав*). Безобразие!

Снова слышится, среди ночного шума, грохот и свистки железнодорожного движения.

Нюра. Опять поезда... Ни минуты покоя!

Шура (*крайне нервно*). И все с мобилизованными!.. С солдатиками, у которых косточки начнут дробить снарядами, печенку разрывать на части, глазки вырывать!..

Нюра (*строго, приподнявшись на постели*). Успокойся!.. Слышишь? Не смей больше думать об этом!

Шура (*забившись в истерике, кричит протяжно и надрывно*). Не хочу войны!.. Не хочу, не хочу, не хочу-у!.. (*Рыдает, сжавшись в комочек.*)

Нюра (*соскакивает с постели и подбегает к сестре*). Шуручка, перестань! Перестань, моя милочка! Ну, перестань, умоляю! Бог не допустит! Все обойдется! Бог сжалится! Не плачь! Слышишь?.. (*Гладит ее. Целует, прижимается к ней, охваченная безысходной жалостью. После паузы, когда Шура начинает успокаиваться.*) Ай, ай, ай!.. Ну, разве можно так распускаться?! Прямо срам, ей-богу! Как тебе не стыдно? А еще гнездышко себе устроила на манер птички! Ну, где ты видела, чтобы птички плакали?

Шура (*вытирая слезы*). Так я ж еще не настоящая птичка! Я только стараюсь на нее походить!

Нюра смеется. Слева доносятся неясные обрывки разговора Лутохина с женой; слышно, что они спрят, взволнованные, в повышенном тоне.

Нюра (*прислушавшись*). Сейчас мама вернется! (*Наскоро целует Шуру и возвращается на свою постель.*)

Лампадка к этому времени начинает сильно мигать.

Не огорчай маму, Шуручка! Будь пайнкой! Она и так ужасно расстроена все последние дни!

Шура. О чем она все спорит с папой? А? И хоть сама расстроена, а его успокаивает! (*Прежде, чем Нюра улеглась.*) Оправь, пожалуйста, лампад-

ку! Что она так мигает сегодня?

Нюра подходит к углу направо, придвигает туда табурет и, встав на него, оправляет лампадку.

А как ты думаешь, Нюра, — все хотела спросить тебя, — правда это, что дедушка рассказывал насчет ангелов?.. Будто там, где мир водворяется и любовь, — туда ангелы слетаются и даже вьют себе гнездышки там?

Нюра (*слезая с табурета и ложась в постель*). Не могу сказать точно. Кто знает?.. Вряд ли дедушка из головы это выдумал!.. Знаю лишь, что когда в обществе замолчат все разом, — говорят: "Словно ангел пролетел".

Шура (*обрадовавшись*). Верно, верно!.. Видно, недаром так говорится! А? Как ты думаешь?

Нюра (*позевывая*). Возможно!..

Слышны быстро приближающиеся к спальне шаги на цыпочках. Обе сестры, как по команде, натягивают на себя одеяла до самых глаз и притворяются спящими. Лампадка снова начинает сильно мигать и, под ее неверным светом и от отсветов ее граней, образуются перемежающиеся тени, которые складываются на стенах в смутные фигуры сражающегося воинства¹. Дверь налево отворяется, и на пороге ее показывается Серафима Кондратьевна, с горящими "нездешним светом" глазами. Она стоит некоторое время, едва переводя дыхание, устремив взор на лампаду. Потом жестом лунатички закрывает за собой дверь и, не раздеваясь, бросается в изнеможении на свою постель. Тени сражающихся на обоях начинают к этому моменту как бы неистовствовать под железный грохот и лязг поездов. Так проходит несколько секунд, кажущихся вечностью... Вдруг Серафима Кондратьевна поднимается и в неопишемом экстазе бросается на колени, посреди комнаты, воздев руки к невидимой иконе, откуда теплится лампадный свет.

Молитва Серафимы Кондратьевны. Господи, Боже мой! Ты расторг силою своей море и спас народ свой из неволи Египетской! Ты дал силу Иисусу Навину остановить солнце на небе! Ты пощадил на Руси город Китеж и сохранил его в чистых водах от потока татарского! К Тебе взываю я, ибо Ты услышишь меня! Избави нас от крови, болезни и смерти, уготованных нам войною! Спаси нас, Боже, от гибели, какую сами себе мы готовим! Спаси нас от собственного нашего неразумия!.. Много грешных на свете, Око Всевидящее!.. Но не все же, о Господи!.. Взгляни на чад моих, Боже правый! Взгляни на отца их несчастного, который верит тайно в Тебя, Отче наш! (*В голосе ее начинают дрожать слезы.*) За что нас обижать еще, Господи? Мы и так живем обиженные и не ропщем! Спаси нас, Боже милосердный, и охрани от воинской брани! О мире всего мира молим Тебя! (*Плачет.*) Пощади!.. Спаси!.. Сохрани!..

Нюра и Шура не выдерживают искуса жалости и — как только у матери их задрожали в голосе слезы — бросаются к ней с двух сторон и, плача сами, донель-

¹ Эффект достигается посредством транспарантных стен, за которыми движутся живые фигуры, или проекцией "волшебного фонаря", помещенного в суфлерской будке. (Прим. *Н.Н. Евреина*.)

зя растроганные, прижимаются к ней в горячем порыве любви: “Мамочка, мамочка, не плачь, — поворачивайся, — Бог сжалится над нами! Непременно сжалится! Честное слово, сжалится!” После этого фигуры сражающихся теней на обоях постепенно утихомириваются, лампада начинает све-

тить ровным светом, грохот поездов и свистки паровозов смолкают; все явственней и явственней слышится откуда-то сверху хор бесплотных духов: “Слава в вышних Богу и на земле мир”.

Картина 7

В столовой Лутохиных (декорация картин 1 и 5).

Очень рано утром. Светло, но чувствуется, что утро только-только что сменило ночь. В саду верхушки деревьев освещены нежно-розовым светом недавно вставшего солнца; в комнате же еще сравнительно сумеречно, но с развигением действия все светлеет и светлеет.

Из сада, — сквозь открытые окна, — доносится на редкость радостное и мелодичное пение птичек на фоне далекого церковного благовеста.

При поднятии занавеса Дарья вносит самовар и ставит его на накрытый к утреннему чаю раздвижной стол, — несколько сокращенный в своих размерах.

Слева, из глубины, входит Серафима Кондратьевна, одетая в затрапезный капот, который очень к ней идет. Пока Дарья, зевая и пожевываясь от утренней прохлады, неторопливо заваривает чай, Серафима Кондратьевна подходит к календарю, висящему на стене, у рамы, и, сорвав лист, показывающий “1 августа” по новому стилю и “19 июля” по старому, долго смотрит, с каким-то мистическим выражением лица, на число 2 августа (20 июля) 1914 года.

Дарья. Сегодня воскресенье... Пойдете в церковь, барыня?

Серафима Кондратьевна (обернувшись к ней). Непременно, только не к “ранней”!

Дарья. Сами газеты купите али мне сходить? Пожалуй, еще рано?

Серафима Кондратьевна (вспыхнув). Нет, нет, совсем не рано!.. Пока дойдете до вокзала, они и придут как раз из Питера.

Дарья. Ладно! (Уходит налево, почти столкнувшись в дверях с Шурой.) Добрая утро, барышня!

Шура (обнимая Дарью и целуя). Здравствуйте, Дарья!

Серафима Кондратьевна. А Нюра?..

Дарья уходит. Серафима Кондратьевна садится за стол и разливает чай.

Шура. Пусть ее, мама, подремлет еще! Она так вчера измучилась! (Садится за стол, рядом с матерью.) А почему ты, мамочка, так жарко молилась вчера? Разве, в самом деле, войну объявили?

Серафима Кондратьевна. Хотели. (Наливает Шуре сливок в чашку, намазывает ей сухарик маслом, обмакивает его в чай и сует ей в рот, по старой привычке, как “маленькой”.) Хотели отнять у нас Мишеньку, у других Гришеньку, у третьих Петичку, Федичку, Сашу, Аркашу! И только затем, чтобы безобразия в мире умножить, а заодно и число инвалидов, покойничков, вдов и сирот!.. Как же не взмолишься при этом к Создателю!

Шура (с набитым ртом). Понимаю!

Серафима Кондратьевна (обнимая ее и ласково посмеиваясь). А ты очень любишь Мишеньку? Очень, скажи? (Потчует ее, почти “закармливая”.)

Шура (не раскрывая рта). Угу!..

Серафима Кондратьевна. За что же ты больше всего его любишь?

Шура (проглотив наскоро остаток третьего сухаря). Так ведь он же, как птица!.. Летчик! Порхаёт себе по поднебесью, как голубь, и горя ему мало!

Ну, ясное дело, — глаз от него не оторвешь!

Серафима Кондратьевна (смеясь). Ах, вот что?! (Целует ее.)

Шура (пьет чай с блюдечка, дуя на чай, чтоб остыл, и болтает под столом ногами). Что же может быть лучше на свете, чем птица? Да еще такая чудесная, как Миша?

Серафима Кондратьевна. Так что же это такое? Выходит, что ты его с аэропланом вместе любишь? То бишь с крыльями?

Шура. А разве это грешно?

Серафима Кондратьевна. Нет! Но... как же ты с ним устроишься думаешь, ежели он мил тебе только с крыльями?.. Ты ведь знаешь, — папа с мамой часто отдыхают на одной кровати! И Миша твой того же захочет! А как же с крыльями ты его спать-то уложишь? Ведь это же невозможно! Никакой аэроплан в кровати не поместится!

Шура. Я и не хочу, чтобы в кровати! Я хочу жить в гнезде на дереве!

Серафима Кондратьевна. Ну, все равно! Ведь спать-то где-нибудь надо?

Шура. Спать?.. А на что он мне нужен, когда я сплю? Я его тогда во сне вижу! И еще лучше, чем наяву!

Серафима Кондратьевна. Так ты его и так можешь видеть во сне! Для этого незачем выходить замуж!

В полуоткрытой двери на заднем плане бесшумно показывается Нюра; сперва она как будто собирается на цыпочках подойти к матери, но потом, вслушавшись в беседу, замирает на месте в выжидательной позе.

Шура (подумав). Ты думаешь?

Серафима Кондратьевна (дипломатично поджимает губы и наливает себе и Шуре еще по чашке чаю). Кушай!

Шура (уныло). ...Я так мечтала о нем, так мечтала! Серафима Кондратьевна. А кто же тебе и дальше мечтать запрещает?.. Мечта это — разлюбез-

ное дело и поступаться ею не следует!

Шура. Я и не собираюсь; потому что когда мечта сбывается, — ее уж и нетути больше, “поминай как звали”!

Серафима Кондратьевна. Вот то же самое и с Мишей у тебя может случиться: исчезнет он, как “мечта”, и “поминай как звали”!.. А если Нюра выйдет замуж за Мишу, — он для тебя никогда не исчезнет и все время будет кружиться над твоим гнездышком, как “мечта”!

Шура. Как голубок, ты хочешь сказать?

Серафима Кондратьевна. Ну, как голубок! Да и мы с тобой тогда не расстанемся — будем жить около твоего гнездышка!

Шура (повеселев). А вы с папой будете ко мне в гнездышко лазать?

Серафима Кондратьевна. Ну, конечно! Что за вопрос? Нешто мы аспиды, чтобы к пташке родной да в гнездо не наведаться?

Шура. А дедушка?

Серафима Кондратьевна (подумав). Вот насчет дедушки не знаю: стар он больно! Хотя прежде, говорит, бегом на верфи взбирался!

Шура. А Нюра?

Нюра (подбегая к Шуре, в неопишемом восторге).

Буду! Буду! Разве я могу прожить без тебя! Я же тебя люблю больше жизни! (Зацеловывает Шуру.)

Шура. Ну, если так, так сделай мне, Нюрочка, одолжение: скажи Мише, что я хоть и очень его люблю, но... раздумала насчет замужества! Сошлись на мое нездоровье, чтобы он не обиделся, и... на гнездо, куда я думаю переехать! Скажи, в утешение, что ты его то же любишь, но предпочтительно на земле, а я в поднебесье! — в этом вся разница! Растолкуй ему, пожалуйста, как умеешь! А то мне самой ужасно неловко! Обещаешь, Нюра?

Нюра. Обещаю и клянусь! Будь спокойна!

Шура обвивает ее шею руками и горячо целует.

Лутохин (входя слева, в рабочем костюме). С добрым утром, дорогие мои! Как спали? (Целует жену и дочек.) Газет еще не принесли?

Дарья (вбегают, запыхавшись). Вот газеты!.. Еле раздобыла! (Передает Лутохину и Нюре “Речь” и “Петербургскую газету”.) Так и рвут у газетчика! Так и рвут! Словно невидаль! Даже оторопь взяла! Сколько лет в Гатчине маюсь, а ничего подобного не видала! И народ такой праздничный-препраздничный! Говорят, сегодня самые что ни на есть важнейшие вести в газетах: и насчет государя, и про Думу, и о войне!

Серафима Кондратьевна (пока Лутохин и Нюра читают, не отрываясь, газеты). А отец где?

Шура (почти в голос с матерью). Где дедушка?

Дарья. На базар ушел спозаранку — торговка ему одна гагачьего пуха для гнезда обещала. По сходной цене: не то рупь двадцать, не то два двадцать, — запаматовала!

Смолько (входя с корзиной, наполненной гагачьим пухом). Три двадцать! Первый сорт! Я еще гривенник выторговал!

Лутохин (оторвавшись, наконец, от газеты “Речь”, оцупишейся в его руках, говорит прерывающимся от радостного волнения голосом). Друзья мои!.. Нечто прямо невероятное! Такой сюрприз, что... дух захватывает от неожиданности!

Серафима Кондратьевна, Шура, Дарья. Что такое?

Лутохин. Полная “перемена декораций” во внешней политике! Все вопросы разрешаются самым мирным путем и притом со сверхъестественною быстротою! Такая небывальщина, что просто диву даешься!

Серафима Кондратьевна. Да в чем дело? Не мямли! Какой такой “сюрприз”?

Лутохин (скорее “выпаливая”, чем выговаривая сенсационные заголовки газеты). “Никакой войны отныне больше не предвидится: угроза ее пресекается раз навсегда! Найден компромисс, принятый к исполнению как Австро-Венгрией, так и Сербией. Тяжба между ними переносится завтра же в Гаагский Трибунал”!

Нюра (читает скоро и четко “Петербургскую газету”). “Согласно благой инициативе королевы Нидерландов Вильгельмины и вдовствующей императрицы Марии Федоровны, пребывающей ныне за границей, состоялось тайное свидание премьер-министров великих держав на предмет дружественного воздействия на державное правительство Австро-Венгрии. Желанный компромисс обретен, и все спорные вопросы между тяжущимися принципиально разрешены”.

Лутохин (в азарте). Вот это здорово! А?! Что скажете?

Справа вбегают Леонтий, с газетой в руках.

Леонтий (кричит). Товарищи! Нечто неслыханное! Читали?

Смолько (гаркает). Молодцы, хлопцы!

Серафима Кондратьевна (с шутивым укором). Какие “хлопцы”? Это императрица-то Мария Федоровна да королева Голландии?

Смолько. Ну, все равно: начальство!

Дарья (расчувствовавшись, вытирает фартуком слезы). И до чего хорошо прописали! Ажно слеза прошибает! Хоть и не разобрать, что к чему, а прямо дух захватывает!

Смолько (смеясь). Эх ты, “деревня”!

Леонтий (кричит ей, захлебываясь от радости). Войны не будет! Войну избежали!

Дарья (простодушно). Какую войну?

Громовой хохот присутствующих.

Чего же вы смеетесь-то? Мало ли какие войны бывают! Нешто за всеми уследишь!

Лутохин. “Европейской войны” не будет! “Всемирной”! Поняла?

Дарья (махнув рукой). А ну вас, право! Все смеется надо мной! А у меня на кухне вода греется! Вскипела, быть может, а я с вами прохлаждаюсь! (Убегает, под общий хохот.)

Лутохин (жене). Что же ты сидишь так, будто ничего особенного не случилось? Неужели не поражена?!

Смолько (*разводя руками*). Просто сногшибательно, до чего ловко все оборудовали!

Серафима Кондратьевна (*всем*). А что ж тут “сногшибательного”? Неужели вы серьезно полагали, что дело дойдет до войны?!

Лутохин. Да что ты, матушка, газет вчера не читала?!

Серафима Кондратьевна. Мало ли что газеты пишут! За мной в молодости один журналист ухаживал; так такого врунишки я в жизни не встречала!

Лутохин (*недоумевая*). Но разве ты сама не чувствовала, что призрак войны уж навис над нами? Разве это не было сущей правдой?

Серафима Кондратьевна. Конечно. Но правда правде — рознь! Ведь и то, что мы видим во сне, тоже кажется правдой!

Лутохин (*слегка теряя терпение*). Тебе говорят не про сон, а про то, что было в действительности!

Серафима Кондратьевна. В какой действительности? Есть правда у Бога и правда у людей! И порой они вовсе не схожи!

Лутохин (*улыбается, чтобы скрыть досаду*). Я говорю про людскую правду, — про ту, что всем ясна как солнце!

Серафима Кондратьевна (*усмехаясь*). Ну и нашел сравнение! Солнце кажется величиною с тарелку, а на самом деле куда больше, коль не врут астрономы! Мало ли что кажется!.. Но ты это хорошо сказал про “призрак войны”! Это именно “призрак”. А призрак только дети боятся, потому что их не существует на самом деле!

Лутохин (*махнув рукой*). С тобой трудно спорить!

Серафима Кондратьевна. Да тут и спорить не о чем! Ну, разве можно поверить в самую возможность войны! И это в то время как к услугам человечества всякие суды и международные трибуналы! Да ведь надо быть сумасшедшим, чтобы при нынешних способах уничтожения друг друга броситься в драку, как озорные мальчишки! Нешто здравомыслящий человек может вообразить себе такую нелепость!

Леонтий. Это что и говорить — трудно представить себе, что бы вышло, коль война началась бы!

Смолько (*горячо*). Конфуз! Сплошной конфуз! Потому как русский флот при Цусиме погиб, а казаки с нагайками — это ж нэ войско, звяняюсь!

Серафима Кондратьевна. Начни войну сегодня Австрия, — следа от нее не осталось бы на карте Европы! Начни ее Вильгельм, — кончилось бы его изгнанием из Германии! Начни ее наш император, — погибла бы не только Россия, но и сам венценосец, призывавший некогда к всеобщему разоружению!

Ее слова перебиваются музыкой проходящего мимо дома военного оркестра.

Дарья (*выскаочив из двери, в глубине, орет радостным голосом*). Солдаты возвращаются с мобилизации!.. (*Давая представление о массе народа*). Народ-ду-у!.. (*Машет рукой*).

Из передней, справа, слышен звонок.

Идите поглядеть, до чего весело! Просто ужаси! Слеза прошибает, — так чувствительно! Невозможно смотреть, — потому не ожидали!..

Все смеются. Серафима Кондратьевна с дочками уходят налево.

Лутохин (*при повторном звонке из передней*). В передней звонят!.. Слышите, Дарья?

Дарья. Сейчас! (*Убегает в переднюю*.)

Смолько (*подхватывая под руку Леонтия*). Треба побачить, чи они в походной амуниции але в ординарной! (*Уходит с Леонтием налево*.)

Лутохин хотел было последовать за ушедшими, как входят *студент Воскресенский и Потапов*. Музыка постепенно смолкает.

Студент (*здоровается с Лутохиным, как человек, у которого рыльце в пушку*). Простите великодушно за ранний визит, но... такие события, что не могли удержаться, чтоб не заглянуть к вам! Ну, что вы скажете?!

Лутохин. Чудо.

Потапов. Вот именно чудо!

Из передней раздается звонок.

Лутохин (*кричит, подходит к двери налево*). Дарья!.. (*Снимает с полки небольшой томик с закладкой, вышитой Ньюрой*). Не помню, показывал ли я вам закладку, которую подарила мне Ньюра?

Студент. Нет... (*Прочищая пенсне*.) Разрешите заглянуть?

Лутохин. Закладка хороша; но еще лучше — страница, которую заложила мне Ньюра!

Дарья (*пробегает на повторный звонок в переднюю*). (*Читает*). “Дитя, когда ты появляешься на свет, — все вокруг тебя улыбаются, одно ты плачешь; сделай же так, чтобы, когда ты станешь покидать этот свет, все бы вокруг тебя плакали, одно ты улыбалось бы!”

Потапов (*с слубокомысленным видом*). Нда-с! Что называется, в самую точку!

Доктор (*входит радостно настроенный, с “лекарским несессером” и газетным листом, сопровождаемый Дарьей, которая, впустив Доктора, снова убегает на звонок в переднюю*). Здравствуйте, Семен Иванович! События-то какие! А? Кто бы мог ожидать?! Просто чудо! (*Здоровается с Лутохиным, Студентом и Потаповым*.)

Лутохин. И впрямь, нечто невероятное!..

Доктор. Мне ваша Дарья занесла записку; что с супругой? Снова занемогла?

Лутохин. Обошлось; вчера ужасно нервничала; а как принесли сегодняшние газеты, — всю хворь как рукой сняло!

Доктор. Ну, слава Богу!.. События и впрямь такие, что лучше всяких лекарств — хотел по пути зайти к одному паралитику, а он сам, смотрю, бежит мне навстречу и “Экстренным Бюллетенем” помахивает! Читали? (*Разворачивает газетный лист, с которым пришел*.)

Лутохин, Студент, Леонтий. Что это такое? **Доктор** (*выждав, пока они успокоятся, продолжает чтение*). “Проект Соединенных Штатов Вселенной”.

Пончик (*вбегает, сопровождаемая Дарьей, с газетой в руках*). Товарищи! Да здравствует свобода!.. Читали? (*Читает запыхавшись*.) Федеральная Ассамблея Швейцарской Республики обратилась ко всем народам мира с предложением выяснить условия, на коих могло бы состояться обсуждение проекта Соединенных Штатов Вселенной...

Начавшийся церковный благовест заглушает слова "хуристки". Окружающие ее Лутохин, Потапов, Доктор, Студент и Леонтий сами дочитывают с упоением текст "Экстренного Бюллетеня", обмениваясь неслышными — за звоном — замечаниями, комментариями и междометиями. Во время этой мимической сцены слева появляются принарядившаяся Серафима Кондратьевна во всей своей "иконописной" красоте, ее две дочки и дед Смолько. Общие приветствия и поздравления посредством вынужденной "пантомимы".

Лутохин (*как только благовест смолк*). Куда это вы собрались?

Серафима Кондратьевна. В церковь, на молебен.

Лутохин. А-а! Ну, идите, идите!

Доктор ему шепчет что-то на ухо.

Студент (*дамам*). Я вас провожу маленько! Разрешаете? Сегодня пречудесная погода! Прямо на заказ!

Серафима Кондратьевна. Сделайте одолжение!

Уходит направо, сопутствуемая Шурой, Смолько и Студентом, в то время как Пончик, Потапов и Леонтий, откланявшись, удаляются налево в переплетную с газетой, которую они чуть не вырывают друг у друга.

Нюра (*задерживает, прощаясь, руку Доктора и обращается к нему интимно с вопросом*). А где же Миша?.. Мы так за него беспокоились!.. Он на фронте?

Доктор (*машет рукой*). Какой там "фронт"? (*Перемигивается с Лутохиным.*)

Нюра. Так где же он?

Доктор (*ворчит, не без комикования*). А шут его ведает! С этими легчиками прямо наказание: никогда не знаешь, где они: на земле или в поднебесье!

Нюра. Я так хотела б его повидать!

Доктор. А вы думаете, я не хотел бы? (*Заговорицки подталкивает локтем Лутохина.*)

Нюра. У меня к нему дело!

Доктор. Какое?

Нюра. Гм... по поручению сестры...

Доктор (*лукаво*). Ах, "по поручению"...

Лутохин (*ей*). А сама б ты не хотела его видеть?

Нюра. Гм... может быть, и хотела б, если б он хотел! (*Направляется к выходу.*)

Доктор (*преграждая ей дорогу*). А вы думаете, он не хотел бы?!

Нюра. Если б хотел, то пришел бы. А раз его нет в такой день, как сегодня...

Доктор (*напрямик*). Значит, он вас не любит?! Это вы хотите сказать?

Она молчит.

Ну, так я вам ставлю единицу за познания в психологии! (*Отходит, взволнованный, к открытому окну и заглядывает в сад.*)

Нюра. Как так?

Доктор. А так, что вы забыли о самолюбии "отверженного", которое удерживает его от... навязчивости!

Нюра (*раздраженно*). Ах, вот что?! Ну, знаете ли, я была другого мнения о Мише. До с а д н о, если так ошиблась!

Доктор. "Досадно"? (*Схватив ее за руку, нашептывает ей, с "мефистофельским" видом.*) Так топните ножкой с досады и он тотчас явится вас утешить!

Нюра (*вырывая руку*). Простите, доктор, но мне не до шуток!

Доктор. А-а!.. Понял-с! Мы вас стесняем? (*Лутохину, беря его под руку.*) Семен Иваныч, на два стола! (*Увлекает его в переплетную и закрывает за собой дверь.*)

Снова издали доносится полковая музыка, — на этот раз приближающейся конницы, — и приветственные клики народа.

Нюра стоит некоторое время растерянная, с недоверчивой улыбкой, в нерешительности и досаде. Потом, обернувшись на дверь, в которую ушел Доктор с Лутохиным, сердито топает ногой и направляется в переднюю.

Миша (*вскакивая в окно*). Нюра! Куда вы?!

Нюра (*задохнувшись от счастья*). Миша?! Вы?!

Миша. Здравствуйте!.. (*Страстно берет ее за обе руки и покрывает их поцелуями.*)

Нюра. Где вы были сейчас?

Миша. С вами... в мыслях... с вами всегда! (*Обнимает ее, в безумном порыве любви.*) Ты любишь меня?

Нюра (*заплавав*). И ты еще спрашиваешь?

Миша. По-настоящему?!

Нюра. Сильней нельзя!

Он сливается с ней в поцелуе, смешав свои слезы с ее. Ликующий грохот полкового оркестра смешивается с начавшимся перезвоном церкви. Солнечные лучи наполняют комнату таким нестерпимым блеском, что поневоле приходится опустить занавес.

Картина 8

Перед дачей Лутохиных.

Вечереет... Сцена залита мягким, сиреневатым светом, придающим людям и вещам призрачный характер. Окно направо раскрыто. Около него, немного высунувшись наружу, сидит Серафима Кондратьевна и смотрит куда-то вверх, направо, словно на макушку высокого дерева, растущего предположительно на месте рамы. Оттуда, с высоты, раздается умильно-детский голосок Шуры, подражающей на все лады птичке: "Тю-тю-тю-тю-тю-тю..."

Серафима Кондратьевна. Ишь, куда забралась!.. Ну, как там? Хорошо? Голова не кружится? **Голос Шуры** (издали — сверху). Хорошо!.. Близко к небу, к звездам, к Богу!.. Все земное кажется отсюда муравьиной хлопотней.

Серафима Кондратьевна. Ну, поздравляю с новосельем!

Голос Шуры. Спасибо, тью-тью-тью!..

Серафима Кондратьевна. Тепло в гнездышке-то?

Голос Шуры. И еще как! Ночью пух греет, а днем солнышко припекает; ведь отсюда до него рукой подать! Приходи в гости, мамочка, сама увидишь!

Серафима Кондратьевна. Непременно! Дай только с хозяйством справлюсь! Ведь оно на новые рельсы становится! Везде теперь перемены! Вся жизнь перестраивается!

Голос Шуры. Интересно, тью-тью-тью?

Серафима Кондратьевна. Ну, еще бы!.. Теперь, с новыми машинами и при равенстве всех в отношении земных благ, людям не больше двух месяцев надо работать в году! Остальное время — хочешь, гуляй, хочешь, учись высшим наукам, хочешь, спи себе на здоровье или ходи в даровое кино, в музеи, библиотеки, путешествуй бесплатно куда вздумается!

Голос Лутохина (из дачи). Сима-а!.. Симочка!.. Где ты, родная? Пора спать, милая! Поздно!

Серафима Кондратьевна (кричит, обернувшись). Я здесь! (Подняв голову, лицом к публике.) Папа спать клычет. Спи, моя пташка, и ты! Спокойной ночи! (Посылает вверх воздушные поцелуи.) Надвигаются сумерки.

Голос Шуры. Спокойной ночи, тью-тью-тью! Я тебя, мамочка, сверху теперь охраняю, и ты ничего уж не бойся! Слышишь?

Заливается птичьим пением “тью-тью-тью”, во время которого **Серафима Кондратьевна** закрывает окно и исчезает в быстро наступающей ночной темноте. Резкий грохот поезда заглушает птичье щебетание Шуры. Справа, у самой рамы, входят в сопровождении фельдшера **Потапов** два санитары с носилками, на которых стонет смертельно раненный **Миша**. И **Потапов**, и оба санитары — в военно-походной одежде: у переднего санитаря к кушаку прикреплен зажженный фонарь. Поставив носилки наземь, санитары отирают пот со лба и закуривают, в то время как **Потапов** стучит лезонько в окно. Начиная с этой сцены, действие ускоряется, чередуя к концу его картины как в лихорадочном кошмаре.

Дарья (открыв окно). Кого это вы притащили сюда? А? Чего надоть?

Потапов (под хмельком). Поручика Дробницкого. Плечо ему ранили. Хочет с невестой перед смертью проститься.

Дарья. Ой, страсти какие! Недаром сказывали, что война не к добру! И то сказать: мясо для супа и то два с полтиной теперь, яйца — рупь сорок, а к

картошке и не подступись, даром, что мерзлая!

Потапов. То-то и оно! Пора по домам, а начальство не пушает! Дескать, мало еще воевали для профиту буржуев! Мало еще попили нашей кровушки! (Смачно плюнув.) В дом тащить женишка али ваша невеста сама к нему выйдет?

Дарья (простоудуно). В столовую несите — там стол: в случае Богу душу отдаст, — есть куда положить. А папа их где? Доктор Дробницкий то ись?

Потапов. В лазарете сыпной тиф подхватил. (Санитарам.) Ну, ребята, за дело! (Дарье, в то время как санитары поднимают носилки с Мишей.) Сыпняк на фронте так и косит, потому — вошь всю Рассею заела! (Уходит, вслед за санитарями, налево.)

Дарья (ему вслед). Истинная правда! Всюду вошь: в ней теперь вся сила над Рассеюшкой!

Закрывает окно и исчезает в полной темноте, в которой “стена” дачи незаметно взвизывает, чтобы потом обнаружить при свете столовую Лутохиных с календарем 1916 года, показывающим 31 мая по новому стилю. Где-то близко проходит со свистом и грохотом длинный железнодорожный поезд. Темноту столовой прорывает свет фонаря, прицепленного к кушаку одного из санитаров; о н и вносят Мишу на носилках в столовую, ставят их посреди комнаты и исчезают, в то время как Дарья зажигает лампу.

Нюра (вбегая, с плачем). Где?.. Где?.. Миша!.. Не-наглядный! Очнись! Миша! Мишенька! (Падает на его грудь и рыдает.)

Шура (вбегая). Что случилось?.. Ранили моего голубка?

Нюра (ей). Тише! Он в забытьи! ·
Входит Дарья и останавливается недалеко от носилок, с сокрушением качая головой.

Шура (склоняясь над Мишей, хватая его за руку). Что это?.. Боже мой!.. Оторвали лапку у моего голубка!.. (Подняв глаза кверху.) О, злые птицы! Проклятые коршуны! Они его заклевали! Они отняли у меня все счастье жизни, ее смысл и отраду!

Нюра (строго). Брось декламировать! Нашла время!..

Шура. Я говорю искренне! Потому что этой самой рукою он гладил мои волосы, пожимал мою руку. Боже мой! Этой рукой он крестился, молясь Тебе, Господи! Этой рукой он правил рулем, летя навстречу солнцу и правде!

Дарья (вытирая слезы фартуком, хныкает). Невозможно, до чего как жалостно. Прямо смотреть нельзя, чего это война наделала!

Миша (приходя в себя). Где я? Что со мной?.. Дайте пить!.. Словно жгут меня изнутри! Я жить хочу! Слышите?.. Мне двадцать три года!.. Где папа?.. Сходите за папой! Мне больно, мне невыносимо больно! Кто меня ранил так? Что за пытка! За что?.. Рыдает, как маленький мальчик. А в это время слышатся звонки из передней, стук в дверь и грубые мужские голоса. Дарья и Нюра быстро уносят носилки с Мишей влево, налево. Шура за ними следует, истерически осеняя себя многократным крест-

ным знаменем. Лишь только все четверо исчезли в дверях на заднем плане, как из дверей слева, на переднем плане, выходит Лутохин. К этому моменту на стенном календаре дата 1916 года незаметно сменяется датой: 27 февраля 1917 года по старому стилю, и 12 марта по новому.

Лутохин (кричит). Дарья! Куда вы пропали? Звонят, стучат, а ей и дела нет! Да-арья!..

Дарья появляется слева и пробегает направо, в переднюю.

Неужели не слышите, что к нам чуть не ломаются?!

Полицейский пристав (появляется справа, на пороге передней, с портфелем под мышкой; за ним, чуть виднеясь, два нижних чина). Господин Лутохин? Семен Иванов?

Лутохин. Да. Что вам угодно?

Полицейский пристав (вынимая из портфеля какую-то бумагу). По долгу службы предъявляю вам ордер на производство обыска в вашей квартире и мастерской! (Делает два шага вперед и тем дает возможность Дарье пройти сзади него налево.)

Лутохин. А в чем меня подозревают?

Полицейский пристав (заглянув в бумагу). В распространении противонаправительственной брошюры “Рабочий класс перед угрозой войны”. Это ведь у вас служил рабочий Леонтий?

Лутохин. Да. А что? (Сразу сообразив.) А-а! Так вот кто меня предал?!

Полицейский пристав. Угодно ли указать, где хранится ваша нелегальщина, и тем облегчить задачу дознания?

Лутохин. Я социалист, господин пристав, и потому не в моих правилах “облегчать задачу” царской полиции!

Полицейский пристав. В таком случае я принужден подвергнуть вас аресту! (Вынимает другую бумагу.) Вот соответствующий ордер! Извольте следовать за мной в Полицейское Управление!

Нюра (а за ней и Шура бросаются с плачем к отцу). Папочка! Куда они ведут тебя? Папочка! Возьми нас с собой! (Вешаются на шею отца и целуют его, плача.)

Полицейский пристав (отстраняя их). Не извольте мешать исполнению служебного долга! (Ему.) Марш вперед! (Уводит Лутохина в окружении нижних чинов полиции.)

Серафима Кондратьевна (входит слева, из глубины, слегка позвяывая, в безмятежном настроении духа). Шура! Нюра! Куда вы делись?

Подходит к буфету, наливает себе воды и пьет. С ее появлением на сцене становится немного светлее, а за окнами вырисовываются под лучами прожекторов великолепные строения здания.

Нюра и **Шура** (вбежав из передней, бросаются к матери, жмутся к ней и говорят наперебой). Ма-мочка, не спи так долго! Когда ты спишь, нам становится так страшно, так тягостно, что хочется умереть!

Серафима Кондратьевна. Ох, малoverные! Чего вы все боитесь? Ведь это ж мои сны беспо-

койные вас тревожат, а вовсе не действительность! Сны мои! А не действительность!

Нюра (поцеловав ее в щеку). А что же тебе снилось сейчас?

Серафима Кондратьевна (улыбаясь). Да ерунда всякая! Будто война с немцами разразилась, Мишу бедненького убили, началась революция, Семена Иваныча забрали в кутузку! Мало ли какие глупости могут присниться!.. (Смотрит в окно.)

Слышится нежная музыка, незаметно начавшаяся во время этого монолога и неизвестно откуда взявшаяся.

Смотрите-ка, дети, какие постройки стали возводить в нашей Гатчине! Помните, Потапов предсказывал “эдакие небоскребочки”?.. Прямо пророк оказался! Вот что значит, когда миллиарды идут не на разрушения войны, а на зодчество мира!

Голос Смолько (слева). Сима!.. Симочка!..

Нюра (Шуре, с глубокой печалью в голосе). А маме все хуже и хуже! (Показывает на лоб.)

Шура. Чем хуже? Вот глупости! Я завидую маме: она живет в другом мире, где царит правда Божия, а она правдивее здешней правды!

Слышится отдаленный рев толпы, выстрелы и “Марсельеза”, заглушаемая “Интернационалом”.

Смолько (входя слева, крайне взволнованный). Участок подожгли! А там батяшка ваш сидит под арестом! Вот вам и свобода, кровью добытая! (Закрывает ставни.) Нэ свобода, а сплошной конфуз, коли “своя своих не познаша”!

Звонок из передней и громкий стук в дверь.

Нюра (кричит). Да-арья!..

Смолько. Нэма се, — нэ кричи! Она, як другие, с красной тряпкой пошла на процессию! (Направляясь в переднюю, отплывывается.) Тыфу ты, бисово отродье, до чего народ избаловалмшись! (Уходит направо.)

Шура (плача на груди Нюры). Папочку сожгут живьем! Нашего доброго папочку!

Справа входит студент Воскресенский — в кожаной куртке, финской шапке с наушниками и при остром револювере в кобуре. За ним Смолько и два матроса с ружьями, увешанные патронными лентами. В одном из матросов нетрудно узнать Леонтия, сподручного Лутохина.

Студент (ставит матросов на положении “часовых” — одного у двери в переднюю, другого у двери слева, на заднем плане). Никого не пускать, товарищи! Слышите?

Леонтий. Будьте спокойны, товарищи!

Студент (окинув взглядом комнату, срывает листы со стенного календаря). Однако здесь не торопятся жить, черт побери! (Оставляет на календаре дату 26 октября 1917 года и обращается к Нюре, краснея своей развязностью). Здравствуйте, гражданочка! Что же вы не поздравляете в моем лице победивший пролетариат? Ну, поцелуйте же меня по-товарищески!

Смолько. Они еще махонькие, господин студент, чтобы целоваться с хлопцами!

Студент (ему). Тебя не спрашиваю! (Нюре.) Я

пришел с обыском от Революционного Комитета.

Нюра. Насчет брошюр этих самых?

Студент. Вы догадались! А также и насчет прокламаций, которые вы прячете, быть может, у себя на груди или под юбкой, кто вас знает! Следуйте же за мной в мастерскую: я лично учиню вам нателный обыск!

Леонтий и другой матрос плотоядно ржут, в то время как Студент тащит Нюру в переплетную.

Смолько (не пуская Нюру). Она еще махонькая, господин студент!

Студент. А вот мы в этом и убедимся сейчас!

Матросы снова гогочут.

Смолько (отпихивая Студента). Нэ позволю, сукин сын! Пошел прочь! Слышишь?!

Леонтий (подходя к нему, с ружьем наперевес). Ну, ну! Не дури, старик! Брысь! (Отталкивает его легонько прикладом.)

Студент втаскивает Нюру в переплетную и с шумом запирает изнутри дверь.

Смолько (орет сердито). Ах, ты вот яки фасон со мной держишь?! Сволочь паршивая!

Дерется с Леонтием, цедя бранные слова сквозь стиснутые зубы, в то время как из переплетной доносится невнятная возня и гул голосов.

Крик Нюры (из переплетной). На помощь!.. Надо мною хотят надругаться!.. Это насилие! Дедушка!.. Спаси меня!

Леонтий (хочет). Попала девушка в переплет!

Смолько. Я тебе покажу, кто "попал в переплет", сучий сын! (Ударяет Леонтия наотмашь в грудь.)

Другой матрос стреляет в Смолько, и старик валится на пол.

Шура (бросаясь к Смолько). Дедушка! Очнись! Дедушка, что с тобой? Что же ты молчишь? Мне страшно! (Тормошит старика.)

Студент (возвращается слева, — красный, потный, — оправляя костюм). Ну, товарищи, айда по домам! Пора ужинать, а то здесь ни корки хлеба!

Леонтий (приводя себя в порядок после драки, обращается шутливо к Студенту). "Разговелись", Александр Емельянович? Поздравляем с победой! *Пересмеивается с другим матросом, и все трое удаляются направо, налево "Ах, яблочко, да куда котисься? Попадешь к нам, в Кронштадт, — не вортишься!"*

Нюра (входит слева, шатаясь, с растрепанными волосами и обезумевшим взором). Что с дедушкой?..

Шура (рыдает, прищипывая). У-умер! У-умер! Дедушка умер! Дедушка бедненький! Умер, — убили!

Нюра (склоняясь над дедом). Ах, лучше бы меня убили! Не перенести мне моего позора! Не перенести мне бесчестья! (Плачет.)

Серафима Кондратьевна (входит, и на сцене сразу же становится светлее). Что тут у вас за возня?.. Что случилось такое?

Смолько (подымаясь). Да ничего не случилось! С чего ты взяла?.. Обронил я тут ключ в темноте, стал искать и упал, поскользнувшись, а девочки невесть что подумали. (Им.) Я же пошутил, мои

махонькие!

Серафима Кондратьевна. А почему здесь так темно? Кто закрыл ставни? (Подходит к окнам и отворяет ставни.)

Шура. Нам, мамочка, стало страшно! Вот дедушка и прикрыл ставни!

Смолько, махнув рукой, уходит налево.

Серафима Кондратьевна. Ах, малoverные! Все им ужасы мерещатся! Не сказано ль в Священном Писании, что "кто закрывает глаза свои, чтобы не видеть зла, — будет обитать на высотах"? **Лутохин** (входит справа, "здрав и невредим", в отличнейшем расположении духа). Здравствуйте, дорогие мои! Заждались? (Здоровается, целуясь с женой и детьми.) А я тут заказ получил из Общественной библиотеки. Ну и книги, доложу я вам! Нечто поразительное! И даром предлагаются народу! Я даже прослезился! (Сморкается, стыдясь своего умиления.) Пойду в переплетную: работа не терпит!

Серафима Кондратьевна. А я посплю еще!

Шура и Нюра (умалываяще). Только не долго, мамочка! Слышишь?

Лишь только Лутохин с женою ушли, как свет в окнах меркнет, словно вечерние облака заволокли все небо.

Студент (нагло осклабясь, входит, в сопровождении мрачного бородатого субъекта; ему). Садитесь, товарищ, будьте как дома!..

Обрывает календарь, пока тот не показывает: 16 октября 1919 г.

Нюра. Кого это вы к нам привели?

Студент. Заместителя народного судьи. Отец дома?

Нюра. Да, а что?

Шура. Дарья сказывала, что "белые" уж в трех верстах от нас и что у генерала Юденича чуть не миллионная армия!

Студент (принужденно смеется). "Миллионная армия"!.. Да ее наш Троцкий перекрошит, как капусту! Вы забыли, что красными руководят не бездарные держиморды, а культурные гении, как наш Зиновьев, Каменев, Бухарин и Рыков!

Шура. А мамочка сказала, что и без белой армии вожди большевизма перебьют потом всех этих Каменевых, Зиновьевых, Бухаринных и им подобных.

Студент. Много твоя мать понимает! Ей в психиатрической лечебнице место. (Топая ногой.) Пошла вон отсюда, покуда цела!..

Раздается орудиная пальба.

Шура (простодушно). Пойдем, дорогая! "Правда глаза режет"!

Удаляется с Нюрой налево, в то время как справа входят, с портфелями в руках, Пончик — в "кожанке", Потапов — в военной форме и Леонтий — матрос.

Пончик (торопливо здороваясь). Здорово, товарищи! Надо быть начеку: генерал Юденич под Гатчиной и не ровен час... Слышите, как палат?

Студент. Отобьют!

Потапов (здороваясь). Не скажите! Вам под дей-

ствием кокаина сам черт не брат! А без кокаина оно по-другому выглядит!

Оглушительный пушечный выстрел.

Бородач (*садясь за стол посередине*). Не будем тереять времени! За дело, товарищи! Садитесь!

Все, кроме Леонтия, занимают места за столом по бокам Бородача.

Открываю заседание Ревтрибунала, в порядке ускоренного судопроизводства заменяющего полевого суд. Введите обвиняемого!

Леонтий (*приотворяет дверь в переплетную и кличет*). Гражданин Лутохин!..

Лутохин (*входя*). Что это за собрание?

Потапов. Ревтрибунал, облеченный полнотой власти.

Бородач (*протягивая Лутохину бумагу*). Ознакомьтесь с обвинительным актом!

Пальба.

Лутохин (*пробежав текст врученной ему бумаги*). Как!.. И царское правительство, и ваше одинаково преследуют за ту же брошюру против войны?! Но ведь это же невероятно!

Пончик (*Бородачу*). Кроме противодействия гражданской войне, Лутохин дискредитирует нашу партию, подозревая товарища Малиновского в провокации, как агента царской полиции!

Бородач (*Лутохину*). Что вы можете сказать в свое оправдание?

Пальба.

Признаете себя виновным? Да или нет?

Лутохин. Перед законом Божеским — я...

Бородач (*перебивая*). Бог отменен, гражданин Лутохин! А потому — коротко и ясно: сознаешься аль нет? (*Пауза.*) Молчишь? Ну, так я за тебя отвечаю: кто не с нами, тот против нас и в любой час может перекинуться к белям! (*Обводя глазами собрание.*) А так как генерал Юденич — на подступах к Гатчине, то предлагаю обвиняемому пулю в затылок и притом немедленно же!

Все. Правильно! Время не терпит!

Бородач. Товарищ Леонтий, именем закона, приказываю вам тут же привести приговор в исполнение!

Леонтий (*вынимая револьвер из кобуры*). Есть, товарищ председатель! (*Подходит к Лутохину.*)

Пончик (*визжит*). Только не здесь!.. У меня и так все нервы расстроены из-за дежурства в Чека! Пожалейте меня хоть немного!

Бородач. Ладно! (*Леонтию*). Подожди! (*Бй.*) Ох,

нежности!

Отдаленный треск пулеметов и ружейные залпы, из-за которых едва слышны слова Бородача.

Выведи его за ограду! (*Делает жест рукой, указующий направо.*)

Леонтий тащит направо Лутохина.

Лутохин (*упираясь*). Безумцы!.. Так-то вы правите именем пролетариата, купившего себе кровью свободу?!

Леонтий, в остервенении от слов Лутохина, выталкивает его, наконец, в дверь направо. Все члены Ревтрибунала как один вытягивают шеи направо и вслушиваются, стиснув зубы. Секунда... две и — совсем близко, направо — раздается револьверный выстрел. Мгновенно наступает мгла, во время которой у самой рампы опускается при тусклом освещении сверху сырая стена с пятнами сырости, забрызганная — на высоте человеческого роста — кровью¹.

Справа слышен грубый окрик "herein"² и тотчас же за ним входят, как бы вталкиваемые сюда силой, Леонтий, Студент, Пончик и Потапов. Все четверо, сильно постаревшие, одеты в полосатые "каторжные" одеяния, в какие наряжали немцы в войну 1939—1945 своих жертв. У всех у них связаны спереди руки и вид людей, отчаявшихся в спасении. За ними входит немецкий унтер-офицер, при оружии и с хлыстом в руке. Он говорит на ломаном русском языке.

Унтер-офицер (*криливо*). Вставать к стене и ожидать распоряжений!

Леонтий (*робко*). Пить хочется!

Пончик. Trinken, bitte schon!³

Унтер-офицер (*грозно*). Schweigen!⁴

Студент. Вот уж два дня, как мы без воды!

Унтер-офицер (*замахиваясь хлыстом*). Aber schweigen! Horst du mal?!⁵ (*После паузы мертвой тишины, уходит направо.*)

Потапов (*когда тот скрылся*). Вот сволочь паршивая!.. И кто это нас выдал, товарищи? Ведь этому имени нет!

Леонтий. Нюрка выдала! Кто же другой!

Студент. Нюра? Вы уверены?

Леонтий. А кто же, как не вы, ее обесчестили!

Студент. А кто же, как не вы, ее отца застрелили!

Пончик (*жалобно*). Меня ноги больше не держат!.. Это же форменная пытка!

Потапов (*оборачиваясь к стене*). Вишь, сколько пятен крови!

Студент (*в полном отчаянии, тихим голосом*).

¹ В варианте 1938 года, хранящемся в фонде Н.Н. Евреинова в Департаменте зрелищных искусств Национальной библиотеки Франции эта сцена развивалась следующим образом.

На фоне этой стены, тотчас же появляется справа — в виде зловецкого ситуэта — один из служащих Наркомвнудела, размахивая огромным револьвером в одной руке, и "служебной запиской" в другой.

Служащий Наркомвнудела (кричит хриплым голосом направо). Эй, вы! Кто там следующие? Выходи сюда к стенке, — спиной ко мне! Ну?.. Не трусь! Живо! (Читает записку.) Зиновьев, бывший председатель Коммунистического Интернационала, Каменев, бывший председатель Совета Труда и Оборона, Бухарин, бывший ответственный редактор "Известий", Рыков, бывший председатель Совета Народных Комиссаров, Ягода, бывший председатель Всесоюзного Чека! Кто еще?.. Ладно!.. (*По мере того как он выкликает, полуголые люди выходят справа, спиной к публике и, дрожа всем телом, становятся к "стенке"*) Приготовься! (*Приставляет револьвер к затылку первого "смертника" справа.*)

³ Дайте попить, пожалуйста! (*Нем.*)

⁴ Молчать! (*Нем.*)

⁵ Молчать! Слышишь?! (*Нем.*)

Хоть бы умереть поскорее!

Леонтий. Успесте!

Пончик (*прерывистым голосом*). И подумать, что все это свершится в начале двадцатого века! Невероятно!

Потапов. Какое там “в начале”! Уже середина двадцатого века!

Леонтий. И вправду: тысяча девятьсот сорок четвертый не за горами! А давно ли была первая мировая война!

Потапов. Не сумели заключить тогда мира в Берлине, вот и получилась “тридцатилетняя”.

Унтер-офицер (*возвращаясь с небольшими щипцами, читает по записке*). Кто есть Потапов, бывший фельдшер?

Потапов. Я.

Унтер-офицер (*развязывает ему руки, засунув щипцы за кушак*). Achtung! Кто имеет золотые зубы? Коронки и пломбы?..

Раздаются ответы: “у меня”, “у меня”, “у меня”. Карошо! (Передавая Потапову щипцы.) Начальство велит у всех выдергивать золотые зубы и коронки. Берись дружно за дело и работай прилежно!.. Я сейчас вернусь. (*Уходит.*)

Потапов (*вертит, в нерешительности, щипцы*). Ну, братцы... Сами понимаете: не моя тут воля... Так что открывайте рты, чтобы лишних неприятностей не было!

Пончик (*испуганно*). А зачем им приспичило забрать наше золото?..

Потапов в это время орудует щипцами во рту Сту-

дента.

Леонтий. А затем, что нас в расход, видимо, записали. И чтоб не пропадало даром...

Пончик (*перебивая*). Нас убьют?!

Леонтий. А на что мы нужны им? Возраст у нас уж не маленкий, для работ не годимся.

Потапов. Недаром газовые печи они понастроили! Не мы первые, не мы последние!..

Где-то совсем близко слышен заразительный смех Серафимы Кондратьевны. Осужденные переглядываются в паническом ужасе. Наступает миг темноты, во время которой окровавленная стенка поднимается как занавес, чтоб открыть вид на столовую Лутохиных. Эта столовая представляется явно преображенной: раскрытые в сад окна кажутся выше и шире, на столе под художественным чайным сервизом радует взор красиво вышитая скатерть, на стенах развешаны умиротворяющие дух пейзажи, по углам расставлены комфортабельная мебель, пианино и радиоаппарат новейшей конструкции. В окна виден залитый солнцем фантастический город будущего, где стройные здания с воздушными башенками и лесенками тонут в темной зелени великоленных деревьев. Стенной календарь все на том же месте; на нем дата “20 августа 1944 года”. За столом “чайничают” Серафима Кондратьевна и две ее дочки, все трое в элегантных пеньюарах.

Серафима Кондратьевна (*продолжая смеяться*). И приснится же такая ерунда!.. А?.. Нечто до смешного невероятное!

Эпилог

Сцена представляет собою “террасу” на крыше высокого дома несколько необычной архитектуры. Справа и слева, у рампы, красуются трельяжи с вьющимися розами “Gloire de Dijon”². Налево, в глубине, трельяж образует небольшую арку, служащую как бы открытой дверью, ведущую вниз, на предполагаемый лифт. Направо же, в глубине, отступая от трельяжа, высятся башенка, тонущая в небе, с ажурной, вьющейся вокруг нее лестницей, ведущей на ее вышку.

В общем, эта терраса отдаленно напоминает своим месторасположением столовую Лутохиных, в ее преображенном аспекте картины 8. Там же и тот же самый стоит стол с окружающей мебелью; там же приблизительно установлен и радиоаппарат новейшей конструкции; тот же, наконец, — но уже совершенно “открытый” — представляется вдали и вид на город будущего, среди темной зеленой листвы.

Огромный календарь направо, совсем близко от рампы, по-прежнему привлекает внимание, но висит он теперь не на выступе стены, а на выступе трельяжа, среди вьющихся роз, один из бутонов которых закрывает случайно годовичную дату действия; видно только: “20 июля 19...”

При поднятии занавеса за столом сидят Нюра и Шура, чуть-чуть повзрослевшие, в изящных платьицах, и бегло записывают в тетрадки то, что им диктует “вечный студент” Воскресенский, расхаживающий по террасе в летнем одеянии спортивного покроя. Он все такой же, в общем, что и раньше, но сильно поседел, что ему крайне к лицу, на котором не осталось и следа бывших прыщей, в очках вместо пенсне, очень “уравновешенный” теперь в своей манере руководить занятиями младших “коллег”.

Закатный тихий час перед “белой ночью”... Из сада доносится мелодичное пение птичек... Где-то далеко-далеко разливает уладу нежная струнная музыка.

Студент (*начав свою речь еще до поднятия занавеса*). ...что было обусловлено как сокращением путей сообщения, — благодаря овладению стратосферными рейсами, — так и услугами телевидения, благодаря коим население земного шара оказалось еще более сплоченным в своих интересах,

чем раньше.

Шура. Вы об этом говорили уже в прошлый раз!

Студент (*мяжко*). Помню... — я хочу лишь резюмировать сказанное!

Шура. А-а!.. Простите!

Студент (*продолжая начатую речь*). Как я уже

¹ Внимание! (Нем.)

² “Слава Дижона” (франц.).

объяснил вам, — момент уравнивания в правах всех и каждого совпал с такой реорганизацией труда, после которой машина превратилась из “проклятия” безработицы в ее “благословение”. Спрашивается: каким образом это стало возможным? (*Пауза. Делает пригласительный жест Шуру.*) Помните?

Шура (*отвечая как “урок”*). Гм... В мире образовались столь огромные запасы продуктов, что для них уже не находилось покупателей. Это привело к массовому увольнению рабочих и к смертельной угрозе для индустриального капитала.

Студент. Верно. И какое правило из этого извлекли экономисты?

Шура. То, что всякое машинное производство стремится к развитию, а применение рабочих в таком производстве — к сокращению.

Студент (*от души*). Bravo, Шуручка! Вы сделали такие успехи, что сердце радуется.

Нюра (*целует сестру*). Молодец, Шуреха! Любо-дорого слушать! Меня заткнешь скоро за пояс! Слева снизу входит Дарья. Она в полуспортивном облачении, с красиво обстриженными волосами, в элегантных сандалиях на босу ногу и в пенсне. Говорит без малейшего простонародного акцента.

Дарья (*слегка приседая*). Простите, — я насчет чая. Там пришли гости (*показывает вниз*), и Серафима Кондратьевна просила узнать, скоро ли вы кончите занятия! (*Поправляет пенсне.*)

Студент (*прокивая свои очки*). Сию минуту! Так и передайте, Дарья Михайловна, — сию минуту!

Дарья. Отлично! (*Уходит.*)

Нюра (*Воскресенскому*). Надеюсь, вы останетесь скоротать с нами вечер?

Студент (*клянясь*). Если... не помешаю!

Нюра. Ну что вы! Мы вас считаем за родного!

Студент. Тронут!.. (*Шуре.*) Последний вопрос: как вы представляете себе основной маневр экономики, приведший к нашей эре всеобщего благоденствия?

Шура. Человечество убедилось, что могло бы — при своих сверхмашинах — и кормиться, и одеваться, и квартироваться почти даром! Стоило пустить лишь машины во всю мочь! Они ведь стали сущими освободительницами людей от напрасной работы!.. И вот, когда человечество научилось извлекать атомическую энергию из пригодных к тому элементов, — машины получили неистощимый источник движения и... наступила эра всеобщего благоденствия.

К концу ее речи, сверху доносится шум пропеллера, и все явственнее и явственнее раздаются, в его смутном воркующем грохоте, слова “Шура! Шура! Шура! Шура!”

Студент (*аплодируя Шуре*). Bravo, брависсимо! Пять с плюсом! Вы могли бы стать лектором по новейшей истории! Я говорю не шутя!.. (*Жмет ей руки, в то время как Нюра ее целует.*)

Шура (*подняв голову вверх*). Спасибо, — польщена, но... Вы не слышите?..

Пауза. Слышно только имя “Шура” среди песни пропеллера.

Миша кружит над моим гнездом! А меня там нетути! Хороша, нечего сказать!.. (*Прибирает свои тетради.*) Бегу! Не то обидится! (*Убегают вдаль направо, за башню.*)

Нюра поворачивает кнопку радиоаппарата, и из него начинает литься нежная усадьбинская мелодия.

Студент (*прохаживаясь по террасе с Нюрой*). Как она поправилась за последнее время!

Нюра. Доктор Дробницкий — настоящий волшебник! Вам тоже доктор сильно помог! Ах, каким вы были раньше несносным! (*Смеется.*)

Студент. Я страдал от “inferiority complex”¹... Немудрено — раз приходилось жить в обществе, где царили не сердце и ум, а тугие бумажники! К тому же, знаете ли (*смеется*), когда руки потеют и прыщи на лице, — весь мир представляется в мрачном свете!

Нюра (*смеется*). Вас теперь не узнать!.. (*Смотря в сторону, где скрылась Шура.*) Смотрите, как она ловко карабкается!.. Ай да Шура! И какое чудное гнездо она свила себе на верушке дуба!

Студент (*залюбовавшись зрелищем, приковавшим взор Нюры*). Замечательно!.. Как в сказочном цирке!

Нюра (*после краткой паузы*). А вы все еще любите меня? (*Склоняет голову.*) По-прежнему?

Студент. Еще сильнее... только... по-другому! Раньше я любил болезненно! Хотел надругаться над тем, чему поклонялся! Вы так злили меня своей неприступной невинностью!

Нюра. А теперь? (*Срывает розу с трельяжа.*)

Студент. Теперь, когда вы вышли замуж, я... я даже порадовался тому, что духовная любовь к вам превозмогла во мне плотскую!

Нюра (*засовывает ему розу за пояс*). Вас действительно теперь не узнать!

Студент (*посмеиваясь*). Да и других тоже! Взять хотя бы Потапова-фельдшера, каким он был до операции и каким стал после!.. А Ксения Львовна! Все только и говорят, что об идеальном спокойствии и кротости “мадам Потаповой”! Или взгляните на Леонтия, после излечения его желчного пузыря!.. А ваш дедушка! Ведь это замечательно, как...

Нюра (*перебивает, прислушиваясь*). Никак его голос? (*Останавливает радио.*)

Студент (*улыбается, как бы что-то вспоминая*). Он всегда был тут как тут, при нашем “tete-a-tete”! Слева, снизу, входят, беседуя, доктор Дробницкий и Смолько. Доктор мало изменился: все такой же бодрый, энергичный “очкастый интеллигент”, верный еще военной выправке, но уже не в военной одежде: на нем парусиновый спортивный костюм и высокие сандалии. Зато старика Смолько лишь с трудом можно признать в помолодевшем лет на де-

¹ Комплекс неполноценности (*франц.*).

слеза Кондратьевны Петровиче, оставшемся по-прежнему верным своей "морской форме".

Доктор (*продолжая беседу*). ...и все это заживает теперь в лучшем виде. Ну, а как у вас "анкилозы"? Не появляются больше?

Смолько. А шэ такэ "анкилозы", звиняюсь? (*Задумывается, почесывая затылок.*)

Доктор (*здороваясь с Нюрой и Студентом*). Забыли, что значит "анкилозы"? Вот это ловко! (*Хохочет.*) Эдак я, пожалуй, и сам забуду скоро и про "анкилозы", и про все болезни на свете!.. Помните, я обещал вам нечто вроде "эликсира жизни"? А? Ну что, врал я вам?

Смолько (*крякает*). Оно действительно!.. Узнать себя нэ в мочь до чего сил прибавилось. Ажно конфузно в мои годы.

Доктор. Вот видите!.. А вид у вас грустный! Что за неувязка! Извольте быть веселым! Того требует наука!

Смолько (*печально*). Нэ могу, доктор! Увольте!.. Потому как вспомню, что умерли сыночки мои на войне с Японией и что не увидеть им уж нынешней жизни привольной... аж слеза прошибает горючая! (*Сморкается с трубным звуком.*) Звиняюсь!

Доктор. Н-да... на это ничего не возразишь! Много бед принесла международная рознь! Я сам чуть было Миши своего не лишился!

Смолько (*вытирая глаза*). Нэ понимали, дурни, что пора уж остановиться!.. Не можно ж все драться да драться, будто всем места на свете не хватит! *Слева снизу появляются, оживленно болтая, Серафима Кондратьевна в обнимку с Ксенией Львовной Пончик-Потаповой и Лутохин под руку с Потаповым, — все выглядят здоровяками, окрепшими и даже словно бы похорошевшими, несмотря на преклонные годы. Одеты все в легкие изящные костюмы, согласно моде наступившей эры благоденствия; особенно красиво и богато наряжена Пончик-Потапова.*

Серафима Кондратьевна (*Ксении Львовне*). Душенька, не спорьте: сегодня Ильин день и обязательно будет гроза!

Пончик-Потапова. Уверяю вас, душенька, что сегодняшняя гроза отменена правительством!

Серафима Кондратьевна. Как так "отменена"?

Пончик-Потапова. А так, что хлебные злаки не нуждаются больше в дожде и потому тучегонители его не допустят.

Серафима Кондратьевна (*улыбается, словно спохватившись*). Вы правы, — я все забываю, в какой век мы живем! (*Кличет вниз.*) Дарья Михайловна! А как насчет чаю?

Голос Дарьи. Сю минуту!

Серафима Кондратьевна (*всем*). Садитесь, господа, где кто хочет! (*Садится за стол.*)

Пончик-Потапова (*Доктору*). А где же ваш сын?

Доктор (*показывая на небо*). А вон! Видите авион, что кружит вокруг дуба?

Слышен гул пропеллера, словно выговаривающего

"Шура, Шура".

Пончик-Потапова (*смотря на небо*). А-а!.. Вижу, вижу! (*Залюбовавшись*.) Какой плавный полет!.. Вот чудо-летчик!.. Как должны вы гордиться, Борис Борисович! (*Сложив руки рупором, кричит вверх.*) Прилетайте к нам чай пить!.. По вас папа скучает! (*Смеется.*)

Нюра (*кричит вверх*). И жена-а!

Миша (*вбегая слева со смехом*). Рад стараться! (*Здоровается со всеми.*) Кто это скучает по мне? Отче и Нюрочка? (*Целует ее и Доктора.*) Напрасно изволите утруждаться — я здесь и к вашим услугам!

Студент (*опешив*). Позвольте... а там кто же летает? Разве это не ваш аппарат?

Миша. Мой... Но пилотирует механик Леонтий!

Студент. Товарищ Леонтий?

Входит Дарья с подносом, уставленным лакомствами и чашками с дымящимся чаем.

Миша. Так точно. И отлично пилотирует, должен признать!

Студент. А как же Шурочка?.. Ведь она думает, что это вы там парите!

Миша (*от души*). И пусть думает! Она любит засыпать под "колыбельную" моего авиона! А я задерживаюсь порой по делам! Вот Леонтий и летит тогда мне на выручку!

Все добродушно смеются. Дарья уходит.

Серафима Кондратьевна (*всем*). Милости просим! Кто хочет чаю? (*Угощает.*)

Гости с благодарностью откликаются на радушие хозяйки; кто присаживается к столу, а кто, — взяв в руки чашку и печенье, — чуть-чуть поодаль. Нюра и Миша садятся рядышком отдельно от других, совсем близко к рампе и, преисполненные взаимной любви, нежно держатся за руки.

Доктор (*хозяйке*). А мне некогда, Серафима Кондратьевна, — больные ждут!

Серафима Кондратьевна. Да неужто есть еще больные на свете? Когда же вы их всех перелечите?

Общий смех.

Вон мой батя уж чего старше, и тот поправился!

Доктор. Все скоро поправятся — дайте срок! А пока новые болезни регистрируются, о которых раньше говорили, как о чем-то "нормальном"!

Лутохин. Например?

Потапов (*отвечая за Доктора*). Например, глупость! Прежде на глупость не обращали внимания, потому что, как сказал Гете, — "gegen Dummheit kämpfen Gotter selbst vergebens", то есть "сами боги бессильны против глупости"! А теперь ей объявлена война!

Серафима Кондратьевна (*всплескивая руками*). Опять война! Кто же это смел ее объявить?

Доктор. Успокойтесь, Серафима Кондратьевна! Война с глупостью совершенно бескровна!

Общий смех.

Лутохин (*Доктору*). Нет, серьезно: это не шутка? Глупость теперь излечима?

Пончик-Потапова (*Лутохину*). Разве вы не слышали о впрыскивании мозгового экстракта в

связи с пересадкой щитовидных желез?

Лутохин (*вздыхая, с грустной иронией*). Эх! Поздало это открытие, ей-богу! Сколько бед наварили глупцы у “кормила правления” — и не счесть всех их жертв!

Доктор. Ну, я бегу! (*Прощается со всеми и уходит.*)

Наступает молчание, в котором стихает, наконец, шум пропеллера.

Студент (*с легкой тревогой в голосе*). Забыл спросить у доктора об одной странной вещи.

Лутохин. О чем?

Студент. Мне временами кажется, особенно, когда я бываю у вас...

Серафима Кондратьевна (*насторожившись*). Что?.. Что кажется?..

Все напряженно ждут ответа Студента, как какого-то “откровения”.

Студент. Гм... будто чего-то мне не хватает... (*Слегка оживившись*) Гм... Какой-то мелочи, какого-то пустяка, который бы придал окружающему реальность.

Серафима Кондратьевна (*усмехаясь*). Какой еще “реальности” вам надо?

Потапов (*почти мистически*). И мне порою кажется, будто то, что мы видим, — не настоящая действительность, то есть не та, в которой Малиновский, например, и вправду оказался провокатором, обманувшим самого Ленина, и что...

Пончик-Потапова (*пугливо перебивая*). А вдруг все это благоденствие нам только грезится? М о р о к а и больше ничего?

Нюра (*прижимаясь к Мише*). О чем они говорят? Мне не по себе от этих разговоров.

Миша (*тихо*). Успокойся!.. Не надо быть мнительной... (*Целует ее нежно-нежно и прижимает к груди, как бы защищая от какого-то страшного наваждения.*)

Серафима Кондратьевна (*прищурив глаза, поворачивается в сторону Пончик*). “Морока”, говорите вы?

Студент. Да, да! Будто стоит только “дунуть-плюнуть” и все это наваждение исчезнет.

Серафима Кондратьевна (*повернувшись к Студенту*). “Наваждение”, вы полагаете?.. (*Пауза.*) Так “дунуть-плюнуть”, за чем же дело стало?.. (*Повернувшись к Потапову.*) Ну?..

Наступает тяжелое молчание.

Потапов (*“поджав хвост”*). Да я, собственно, так сказал... вообще...

Серафима Кондратьевна (*язвительным тоном, каким говорят колдуньи, задетые за живое*). Что значит “так сказал”?.. (*Почти бормочет.*) Хочется беду накликасть, так сделайте одолжение — накликайте беду один миг!

Студент (*неуверенным тоном, с извиняющейся улыбкой*). Не сердитесь, но только мне снилось, будто война тогда — в тысяча девятьсот четырнадцатом году — все-таки началась и после перемирия вновь разразилась через несколько лет, причем мы проявили, с англосаксами и французами,

неслыханное геройство в победе над бесчеловечным врагом!

Серафима Кондратьевна (*полуязвительно*). А вам не снилось, какую ценой эта слава была достигнута? Не снились города, стертые с лица земли бомбардировками? Десятки миллионов человеческих жертв, искалеченных, замученных в плену и обезумевших от голода и бездомного существования?

Пончик-Потапова. А вы знаете, и впрямь нечто подобное мне снилось! И так реально, знаете ли, что окружающий нас мир мне кажется теперь как бы “незаконнорожденным” и потому не имеющим права на существование! Слово в этом мире не хватает того, что...

Серафима Кондратьевна (*грозно шипит, топая ногой*). Чшш!..

Пауза. Все смотрят на нее, слегка съежившись... И вдруг она раздражается веселым смехом. А за нею, сначала понуждая себя, а потом и вразравду — начинают смеяться все присутствующие.

Что?! Испугались, голубчики!.. (*Передразнивая.*) “Чего-то не хватает”!.. Скажите, какие ненасытные! У них все есть, чего душа желает, а им “чего-то не хватает”! Какой-то грешной правды, — вот как Адаму и Еве, когда все было к их услугам в раю!.. Чего вам хочется? Говорите!.. Сорвать покровы со страшной стихии и снова быть изгнанными из рая?..

К последней фразе снова появляется Дарья с подносом, уставленным чашками чая.

Пейте лучше чай, господа, и перестаньте капризничать!

Все дружно смеются и откликаются на приглашение хозяйки дома. Нюра подскакивает к радиоаппарату и извлекает из него упоительные звуки симфонического оркестра, как вдруг всеобщее внимание привлекают три маленюких ангела, появившихся неожиданно наверху лестницы, обвивающей башню направо. На них фосфоресцирующие голубоватые одеяния, а за спинами полупрозрачные трепещущие крылышки, на вид это сущие дети, один другого очаровательнее. При виде их присутствующие замирают в восторженном созерцании.

Лутохин (*прерывая всеобщее молчание, ласковым голосом*). Откуда вы, дети?.. Что вам угодно?

Нюра разом прекращает радиомузыку.

1-й Ангел (*учтиво поклонившись, спрашивает тоненьким голоском*). Простите, пожалуйста, — не здесь ли живет раба Божия Серафима, по отчеству Кондратьевна?

Серафима Кондратьевна (*встает*). Здесь, здесь!.. Чем могу вам служить? (*Подходит к Ангелам.*)

1-й Ангел. Нам поручено передать вам вот это письмо! (*Вынимает из-под крылышка у другого Ангела голубое письмо с золотыми печатями.*)

Серафима Кондратьевна. От кого это? А? От кого?

1-й Ангел (*немного спускается с лестницы и передает ей письмо*). Это от ваших родственников!..

Прочтите, и вам все станет ясно!

Смолько (*подходя к Ангелам*). Ишь махонькие какие! Заводите к нам, хлопчики! Места всем хватит! Не хотите ли чаю?

Серафима Кондратьевна *отходит в сторону, вскрывает конверт и углубляется в чтение полученного письма.*

1-й Ангел (*кланяясь Смолько*). Спасибо!.. Позвольте только осмотреться сначала!

2-й Ангел (*совсем "карануз"*). Как у вас здесь хорошо!.. Тихо-тихо!.. И белки по елкам прыгают!

1-й Ангел. Можно у вас... поселиться поблизости? Мы не обеспокоим своим соседством?

Лутохин. Да нисколько! Сделайте одолжение! Будем очень рады!

2-й Ангел (*показывая на сад*). У вас тут уж занято одно дерево! Мы сейчас пролетали... Там девочка одна спит!

1-й Ангел. А можно и нам по соседству свить себе гнездышко?

Смолько. Да выбирайте любое дерево!

Потапов (*подходя конфузливо к лестнице, на которой расположились Ангелы*). А вы, собственно, кто такие будете, разрешите спросить?

1-й Ангел (*скромно*). А мы — вестники Божии!

Потапов. "Вестники"?

2-й Ангел. "Ангелы", как нас кличут в молитвах!

Потапов. "Ангелы"? То-то, я вижу, крылышки у вас на спине! Ну, тогда все понятно! А то мне сперва показалось, что — летчики!

1-й Ангел. Нет, мы ангелы.

Потапов. Теперь я вижу.

Лутохин (*Ангелам*). Садитесь, пожалуйста!

1-й Ангел. Благодарствуйте.

Потапов. Мне, признаться, не доводилось до сих пор встречаться с вашей братией, но... очень, очень рад!

2-й Ангел (*с простодушием ребенка*). А мы сейчас на аэроплане катались! Нас один летчик подвез, — Леонтием звать! А то мы чуть было не сбились с дороги из-за... тучегонителей!

1-й Ангел. Сегодня Ильин день, — мы по облачкам грозовым путь держали! А тучегонители нас с пути сбили! Спасибо, что летчик Леонтий нас выручил!

Лутохин. Да садитесь, ради Бога! Не стесняйтесь, пожалуйста!

1-й Ангел. Ах, "ради Бога"?

Все три Ангела при упоминании Бога вмиг присаживаются на ступенях лестницы.

Потапов (*обретая вновь присущую ему развязность*). А я, признаться, ребята, представлял вас совершенно другими!

2-й Ангел. Каким же, дяденька?

Потапов. А таким вот, как рисуют иногда на иконах: вроде как одна головка без туловища, а вокруг крылышки белевские и больше ничего.

Ангелы тихоноко смеются.

Я даже анекдот в этом смысле запомнил, будто органист какой-то так здорово играл, что даже ангелята однажды слетелись послушать. Ей-богу! Вот он это играет себе да играет, а ангелята эти самые летают себе да летают, пока у него в глазах не зарябило. "Сядьте, пожалуйста!" — взмолился органист. А ангелята в ответ чуть не плачут: "И рады бы, — говорят, — да... не на что!"

Ангелы заливаются детским смехом, который звучит как серебряные колокольчики.

Серафима Кондратьевна (*прочитав письмо, доставленное ей Ангелами, приходит в радостный экстаз и, с криком счастья, бросается на грудь Смолько*). Батька!.. Батька!.. Ты знаешь, кто пишет?.. Ваня и Сережа!

Смолько (*взволнованный*). Ваня и Сережа?!

Серафима Кондратьевна. Они живы, живы и здоровы. Ей-богу! Ваня хворал в плену у японцев, а Сережа был контужен и словно без памяти все эти годы! (*Размахивая письмом*). Господа!.. Мои братья живы! Слышите, живы?.. Мы считали их с баткой убитыми на войне, а они вот что пишут! Прочтите! Батька, я умру от счастья! (*Плачет на груди Смолько*.)

Смолько (*взяв письмо в руки*). Ну, вот видишь, сэрденько! А мы с тобой чуть глаза все не выплакали после русско-японской войны, — будь она проклята вместе со всеми войнами!

Лутохин и Нюра. Да где же они? Где они сейчас?

Серафима Кондратьевна (*сквозь радостные слезы*). Едуг сюда!.. В пути!.. Прочтите сами! — В письме все сказано!

Лутохин (*перехватив письмо у Смолько, читает, сильно нервничая*). "...И хотя мы далеко еще от вас, — на дальнем-предальнем Востоке, — но уже в пути и надеемся, что к сроку нашего свидания вы будете уже готовы принять должным образом... выходцев с того света!"

Серафима Кондратьевна (*с просветленным лицом, воздев руки к небу*). Мы будем готовиться!.. Мы будем готовы!

Раздается детское пение — "Слава в вышних Богу", — как бы исходящее из уст Ангелов, преклонивших к этому моменту колени на ступенях лестницы. Все отсутствующие поднимают взоры к небу и блаженно улыбаются.

Занавес

Подготовка текста к публикации
В. Иванова